

ДОННА ВАНЛИР

Рождественская
надежда

Донна Ванлир

Рождественская надежда

Серия «P.S. С любовью»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48797635

Рождественская надежда : [романы] / Донна Ванлир: АСТ; Москва;

2019

ISBN 978-5-17-117540-5

Аннотация

«Рождественская надежда» и «Рождественское обещание», вошедшие в эту книгу, – невероятно трогательные истории о том, как не потерять веру в лучшее, как, невзирая на трудности жизни, идти на свет в конце туннеля и как сохранить надежду на чудо.

Патриция и Марк Эддисон уже забыли, что такое счастливое Рождество. Но в этом году вследствие работы в социальной службе Патриция познакомится с пятилетней Эмили и вопреки всем правилам заберет девочку к себе домой.

Именно благодаря присутствию малышки в их доме и ее не по-детски проникательным вопросам Эддисоны осознают, что вера и надежда способны преодолеть любые печали, а Рождество снова станет временем радости в их семье.

Вторая история – о Глории и Чезе, каждый из которых пытается не утратить надежду. Глория пережила тяжелейшую семейную трагедию и теперь строит жизнь заново. У Чеза

есть приличная работа и внешнее благополучие, но вечерами в пустой квартире он мечтает о семейном тепле и уюте. Их судьбы удивительным образом сплетаются, чтобы каждый сквозь прошлое научился смотреть в будущее.

Содержание

Рождественская надежда	5
Благодарности	6
Пролог	9
Глава 1	15
Глава 2	42
Глава 3	55
Глава 4	94
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Донна Ванлир
Рождественская надежда
(сборник)

Рождественская надежда

*Для Кейт, чья улыбка – доказательство того,
что Надежда есть всегда*

Благодарности

Хочу выразить глубокую благодарность и признательность...

Трою, за то, что ты всегда выслушиваешь мои идеи и поддерживаешь меня в работе над книгой. Кстати, я по-прежнему уверена: то, что ты вставил в рукопись одно слово, еще не делает тебя соавтором.

Кейт, за то, что ты наполняешь дом своим звонким смехом. Спасибо за солнечную улыбку, за поцелуи, за твою радость, когда ты просыпаешься утром и видишь маму с папой. Без тебя наш дом был бы совсем пустым.

Грейси, заботливой старшей сестренке Кейт. Спасибо за все вечера, когда мы вместе читали, смеялись, пели и валялись в кровати, и за то, что помогаешь мне по хозяйству. Ты моя умница!

Дженнифер Гейтс. Спасибо за готовность выслушать, за мудрые советы и забавные истории о сыне. Джеку невероятно повезло, что ты его мама! Надеюсь, однажды я все-таки напишу все книги, о которых мы говорили.

Эсмонду Хармсуорту. Я очень ценю, что ты находишь время, чтобы прочитать каждую рукопись, поделиться впечатлениями и своими идеями. Спасибо за чудесные истории из твоего детства. Из них выйдет отличная книга!

Дженнифер Эндерлин. Я благодарна за то, что ты в ме-

ня веришь, что поддерживаешь меня в издательстве «Сент-Мартин Пресс». Николас и все остальные сотрудники отдела продаж, большое спасибо за вашу работу!

Крису и Тоне Картер (привет, Эли и Коннор!), Чаду и Шерри Картер, Тони и Кэти Дюпре, Дэвиду и Мэрилин Найт и всем прихожанам церкви Орчард за вашу поддержку, дружбу и преданность.

Бет Гроссбард. Вы говорили, что по книге «Рождественское благословение» можно снять отличный фильм, и прилагали усилия, чтобы все получилось. Спасибо! Поскорее бы его увидеть! Вы очень меня поддерживаете! Крейг Андерсон, спасибо за веру в меня и поддержку. Для меня большая честь работать с вами и Бет.

Доктору Энн Кавана-Макхью (из отделения кардиологии детской больницы Вандербилт) за то, что снова поделилась со мной своими знаниями. Вы очень любезны!

Моим племянникам, Патрику и Тайлеру Пейнам, Джошуа Ричмонду, Алисе и Дезмонду Ванлир, которые растут замечательными, добрыми ребятами.

Тоне Картер, Ханне Феннелл и Лорен Уилкоккс за то, что вы с такой любовью присматривали за нашими девочками, и Нэнси Таунсенд за помощь в поездках к доктору. Ханна, мы по тебе скучаем. Успехов в колледже!

«Мисс» Роу Клоэт, «мисс» Мэнди Келли и «мисс» Элле Горинг (из частного детского сада в Грассленде) за ваши добрые сердца!

И Бейли, моему верному соратнику, на которого я всегда могу положиться.

Пролог

Канун Рождества, наши дни

*Дети – это апостолы Бога, присланные сюда
для того, чтобы день за днем проповедовать
любовь, надежду и мир.*

Джеймс Расселл Лоуэлл

Идет снег. В прогнозе сообщалось, что в канун Рождества осадков не ожидается. Синоптики ошиблись: сегодня с самого утра кружатся мягкие белые хлопья. Похоже, у нас все-таки будет снег на Рождество. Подгребая снежные кучи к обочине дороги, по центру города ползет снегоуборочная машина. Помахав рукой водителю, я выруливаю перед ней на шоссе. Бросаю взгляд в зеркало и вижу, как двухлетняя Мия на заднем сиденье увлеченно играет с куклой Элмо из «Улицы Сезам». Включаю радио, слушаю, как Мел Торме поет «Рождественскую песню». Мия что-то щебечет, обращаясь к Элмо. Она еще не знает, что завтра праздник и уже утром родители возьмут ее на руки и покажут рождественскую елку с горой подарков, приготовленных для нее и сестренки. Я улыбаюсь и делаю звук громче. Пересекая городскую площадь, мы едем мимо трех удивительно красивых елей с большущими разноцветными шарами – зелеными, красными, золотыми – и пышной пурпурной гирляндой. На верхушке каждой

елки, переливаясь на солнце, сияет огромная звезда. Я сбрасываю скорость.

Каждый год перед Рождеством эти елки украшала Норма Холт. Ей было чуть за двадцать, когда она взяла на себя эту заботу, еще до того, как стали созываться собрания муниципального совета, так что никто не препятствовал ее инициативе. Годы шли, Норма продолжала привносить сказку в юго-западный уголок городской площади. Я никогда толком с ней не разговаривала. Норма мало с кем общалась, была довольно замкнутой и предпочитала обходиться без помощников. Всякий раз, проезжая мимо, я сигналила ей, и она махала рукой в ответ. Стоило Норме приступить к своей работе – и у меня сразу появлялось ощущение праздника.

В детстве мне казалось, что время перед Рождеством ползет как улитка. Предпраздничные недели тянулись бесконечно, и я все ждала, когда же наступит пора наряжать елку, печь с мамой рождественское печенье и составлять для Санта-Клауса подробный список подарков. Но вот в гостиной ставили елку, снаружи дом украшали разноцветными фонариками, и я сгорала от нетерпения: Рождество уже совсем близко! Примерно за две-три недели до праздника мы с моим братом Ричардом старались не баловаться и переставали капризничать. Очень уж не хотелось угодить в черный список Санта-Клауса – слишком много подарков было на кону. Перед Рождеством весь дом наполнялся радостью и весельем. Вот бы праздник никогда не кончался, думала я. Тогда

мне и в голову не приходило, что со временем эти чувства потускнеют, что дни будут лететь так стремительно – оглянуться не успеешь, и что сама я все чаще со вздохом стану приговаривать: «Неужели Рождество? Даже не верится». Я повзрослела, и сказка ушла безвозвратно.

Мия мурлычет песенку, и я выключаю радио, чтобы лучше ее слышать. Она поет «Колокольчики звенят», но кроме самих слов «колокольчики» и «звенят» ничего не разобрать. Мия смешно хватается себя за пяточку, поднимает вверх крохотную ножку и начинает повторять припев. Какая она забавная! Заметив мой взгляд, девочка спрашивает: «Куда мы едем?» Она пытается привстать, чтобы рассмотреть, куда я ее везу. За год малышка успела сменить две приемных семьи. Даже не знаю, сколько раз за семнадцать лет работы в Департаменте по делам семьи и детей тоненькие голоса задавали мне с заднего сиденья подобные вопросы. Сколько раз я отвозила детишек в приемные семьи незадолго до Рождества, потому что их родители попадали в тюрьму или лечились от алкоголизма. И сколько раз везла их обратно к родителям, потому что либо отец выполнил все условия государства и нашел дом и работу, либо мать наконец прошла четырехмесячную программу реабилитации для наркозависимых. Как часто возила я крошечных пассажиров, и они спрашивали, куда мы едем.

Я проезжаю под рекламной растяжкой с надписью «Мир на земле». Не так давно у меня не было мира в собственной

душе – что уж обо всей земле говорить. Тогда, казалось, радость ушла навсегда, о счастье сохранились лишь воспоминания, и Рождество не поднимало настроение, а скорее тяготило, потому что надежда меня покинула. Но так было не всегда. Несмотря на все, что на нас обрушилось, мое детство можно назвать счастливым.

Когда мне исполнилось семь, а моему брату Ричарду четыре, от нас ушел отец. Я видела, как мама теряет надежду. Одна с двумя детьми, без жилья и без денег. Она часто сидела за кухонным столом над просроченными счетами, которые не могла оплатить. Ее глаза были полны слез. Бог, если он есть, вероятно, понятия не имел, в каком положении она находилась. А возможно, вообще не подозревал о ее существовании. «Мы будем хранить веру», – твердила мама, повторяя фразу, услышанную в старом фильме. Но увы, в то время я не знала, что такое вера. А как хранить то, о чем не имеешь представления?

В Рождество после ухода отца мама привела нас с Ричардом в церковь. Мы сидели в последнем ряду. «Господь даровал нам Надежду в обличии младенца, – говорил проповедник. – И такая Надежда – величайший дар во всем мире».

Я привставала, пытаюсь разглядеть ясли с ребенком. Как младенец может быть в обличии Надежды?

«Дитя научило нас любить и прощать».

Я изо всех сил старалась увидеть того малыша. Разве может ребенок хоть кого-нибудь научить любить и прощать?!

«Кто угодно и что угодно может стать орудием в руках Божьих, – продолжал священник. – Нельзя недооценивать того, кого Он ниспослал нам, кто бы это ни был. Но верить ли в это – решать вам».

Тогда я не понимала, что он имеет в виду, но со временем смысл его слов открылся мне, а позже и моему сыну. Однако годы спустя, когда сын уже вырос, я потеряла веру: мне было слишком больно. И я отошла от Бога.

Я считала, что, когда Господь хочет говорить с нами, Он совершает чудо, которое заставляет нас прозреть и вернуться к Нему. Но я ошибалась: Бог говорит с нами всегда. Просто порой мы Его не слышим. Господь терпелив, Он ждет, когда же мы поверим. А мы не хотим ждать. Требуем, чтобы нас убедили. Чтобы предъявили доказательства, которые можно увидеть и потрогать. Небо, океаны, горы – всего этого недостаточно. Недостаточно нам и того, что наши дети улыбаются и смеются, и тянут к нам ручки. Мы желаем большего. А ведь у нас есть все. Вокруг нас, каждый день. Если бы хоть ненадолго мы остановились, пригляделись и прислушались, то сами пришли бы к Богу и не колебались в своей вере. По крайней мере, некоторые из нас. Такие, как я.

Все, что произошло со мной, может быть близко и вам. Я еще только в начале пути. Возможно, у меня никогда не получится пройти его до конца. Но на нем мне повстречалось немало тех, кто помог все принять, вновь поверить и обрести Надежду. Когда-то я говорила, что надежды не осталось, но

теперь знаю: Надежда жива.

Просто мне понадобилось несколько лет, чтобы в этом убедиться.

Глава 1

Годом ранее

Если ты теряешь надежду, ты теряешь и жизненную силу, и мужество – то, что помогает нам продолжать свой путь вопреки всему. И сегодня у меня все еще есть мечта.

Мартин Лютер Кинг

Я проснулась внезапно, как от толчка. Меня разбудил до-летевший из окна шум от проезжающей мимо снегоуборочной машины. Семнадцатого декабря повалил снег. Прошло уже четыре дня, а снегопад все не кончался. Дворники сбивались с ног, расчищая дороги. Я посмотрела на часы: половина четвертого. Вряд ли мне удастся опять уснуть. Раньше я спокойно спала всю ночь, но четыре года назад все изменилось. С тех пор я часто просыпаюсь в три или четыре утра и больше уже не сплю.

Я закинула руку за голову и постаралась задремать. Услышала, как Марк, мой муж, прошел по коридору в ванную и включил душ. В половине пятого он уедет. Наша собака Лапа уткнулась носом в щелчку под дверью. Ей не терпелось выбежать из комнаты к Марку, но я чувствовала себя слишком уставшей, чтобы встать и выпустить ее. Лапа еще несколько минут постояла перед дверью, а потом вернулась на свою подстилку в углу. В четыре часа Марк спустился на кухню.

Достал бейгл, налил кофе в термокружку и уехал. Не заглянул в спальню, чтобы посмотреть, проснулась ли я, не оставил мне записки. Как всегда. Я знала его график: муж вернется только завтра утром, после полета. Уже давно он уходит в один и тот же ночной рейс.

В половине шестого, когда я встала, кухня сияла чистой. Ни крошек от бейгла, ни испачканного в плавленом сыре ножа. Мне это нравится. Если бы не мокрое полотенце в ванной, я бы даже не заметила, что Марк ночевал дома.

Я зашла в душ и подставила лицо под струи воды. До Рождества всего четыре дня. Я закрыла лицо ладонями, и вода потекла по рукам. Ну почему праздники тянутся так медленно? Я покачала головой и начала мыть волосы. Сегодня я работаю, а потом – целых десять выходных. Что мне делать все это время? Я побрызгала на стены душевой кабинки чистящим средством, смахнула со стеклянной двери капли воды и стала вытираться.

В половине седьмого была уже одета и готова к выходу. Зазвонил телефон, и я вздохнула, прекрасно понимая, кто это.

– Алло.

– Доброе утро, – откликнулась мама.

– Мам, почему ты звонишь так рано?

– Ты ведь уже встала.

– А вдруг я еще сплю?

– Правда спишь?

– Нет.

– Вот видишь.

Бесполезно. Мама звонит ни свет ни заря по крайней мере три-четыре раза в неделю. Много лет я пыталась отучить ее от этого. Тщетно.

– Мы с Мириам едем сегодня за подарками на Рождество. Что купить тебе и Марку?

Слушая маму вполуха, я просматривала почту на компьютере.

– Что-то для дома?

– Мам, ничего не надо.

– Ничего? Но, может, чего-то хочется! Что-нибудь для души?

Каждый год она старалась угадать с подарком!

– Спасибо, у нас все есть.

Секунду помолчав, мама снова защебетала:

– Ну хорошо, если что-то надумаешь, звони. Я и завтра буду ходить по магазинам, и в другие дни, так что мне несложно. Ты просто скажи и...

Прервав ее, я пообещала, что позвоню после работы, и положила трубку.

Когда отец уходил, он сказал маме, что сбегает за газетой, но так и не вернулся. Мама даже не подозревала о его пристрастии к азартным играм. Он ушел в самый последний момент, перед тем, как всплыла вся правда. Полиция объявилась у нас прежде, чем мама успела заявить об исчезновении

мужа. Выяснилось, что отец присвоил несколько тысяч долларов, принадлежавших компании, где он работал. Полицейские намеревались изъять деньги и посадить его в тюрьму. А если его не окажется дома – задержать и допросить жену, или, как выразилась мама, всю душу из нее вытрясти. Вряд ли в полиции поверили, что она действительно не знает, где отец, но все ее же отпустили.

Нас выселили из дома, забрали все вещи и машину, купленную в кредит. Три дня мы прожили в мотеле, потом деньги совсем закончились. Раньше мы редко ходили в церковь. Когда же нас выгнали из мотеля, мама собрала одежду в пакет, зажала его под мышкой и, велев мне и Ричарду взяться за руки, повела нас по улице. Через какое-то время Ричард захныкал, что устал. Мама подхватила его и притянула меня к себе.

– Не отставай, – попросила она, стараясь удержать и Ричарда, и пакет.

Брат все время спрашивал:

– Куда мы идем?

А я молчала. Что-то мне подсказывало: сейчас не нужно ничего говорить.

– Идем к хорошим людям, – объяснила мама.

Мы шли по городу. В отдалении показалась церковь. Мама перехватила Ричарда другой рукой, вручив мне пакет.

– Слишком тяжелый, – сказала я и немедленно пожалела о своих словах: мама отобрала у меня пакет и взвалила на

себя.

Когда мы ступили на дорожку, ведущую к входу в церковь, она поставила Ричарда на ноги и оправила на нем одежду.

– Мамочка, зачем нам в церковь? – канючил мой брат. – Сегодня же не воскресенье.

Она открыла дверь и огляделась.

– Мамочка, что ты ищешь?

Я закатила глаза, мечтая, чтобы он наконец замолчал.

– Ты ищешь церковь?

– Мы уже в церкви, – шикнула я.

Из-за двери выглянула девушка в бледно-розовом платье.

– Добрый день, – поздоровалась она, подходя к нам. – Я услышала, кто-то пришел. Вам помочь?

Девушка смотрела на маму, но та не могла вымолвить ни слова, стараясь сдержать душившие ее слезы. Девушка это заметила и наклонилась к нам с Ричардом.

– Я испекла на обед целое блюдо арахисового печенья. – И, придвинувшись ближе, прошептала: – Хотите? С большой кружкой молока?

Мы кивнули, и она взяла нас за руки.

– Ваша мама пока побудет тут, а вы идите, поешьте печенья и поиграйте, у нас есть игрушки.

В кабинете за столом сидела женщина в очках. Она посмотрела на нас и улыбнулась.

– Миссис Берк, – обратилась к ней девушка, – эти ребята хотят печенья. Может, вы и пастор Берк пока погово-

рите с их мамой?

Миссис Берк вышла из-за стола.

– Не торопитесь, – сказала она девушке в розовом. – В холодильнике еще оставался куриный салат.

Перспектива завтракать куриным салатом не вызвала у меня восторга. Ричард, наоборот, чуть не запрыгал от радости.

Не знаю, сколько печенья мы успели съесть, но к тому времени, как мама вошла в кухню, блюдо почти опустело.

– Спасибо, – поблагодарила она девушку в розовом. – Спасибо вам огромное!

Мы вышли из церкви. У входа стоял фургон. Сидевшая за рулем женщина помахала нам рукой.

– Я Джеральдина Кулберсон. Залезайте сюда!

Мы все трое забрались в машину, и Джеральдина отвезла нас к себе домой.

– Тут есть кровать и диван, – сообщила она, провожая нас в подвальное помещение. – Вещи можете оставить здесь. – Она указала на небольшой комод. – Ванная наверху, сразу как поднимитесь по лестнице. Обед подам примерно через час, вы пока устраивайтесь и приходите, как будете готовы.

И она ушла.

Мама присела на краешек кровати, молча прижала к себе меня и Ричарда и расплакалась.

Мы жили в подвале Джеральдины и Джорджа полгода, пока у кого-то еще из церкви не освободилась комната, кото-

рую мы могли снять. Прихожане быстро насобирали для нас кто что мог: одежду, игрушки, кровати, диван, холодильник и маленький черно-белый телевизор. Мама нашла работу на неполный день. Она вела бухгалтерию в маленьком магазине одежды и отвечала на звонки, а Джеральдина приглядывала за Ричардом. После школы я шла к Кулберсонам, а когда мама заканчивала работу, мы все вместе отправлялись домой. Я видела, как ночами мама просматривала счета, которые оставил отец, и на лице у нее застывало выражение отчаяния. Положение казалось безвыходным.

После того как отец нас бросил, мама совсем перестала улыбаться. Я была слишком маленькой, чтобы осознать случившееся, но догадывалась: произошедшие перемены как-то связаны с отцом. Кредиторы осаждали маму со всех сторон, угрожали ей, но с нас больше нечего было взять. Мама выписывала чеки на пять или десять долларов, раскладывала их по конвертам и отсылала кредиторам, надеясь, что те оценят ее усилия погасить долги. Некоторые действительно начинали относиться к ней с сочувствием, но на большинство это не производило никакого впечатления. За несколько недель до Рождества мама совсем пала духом. Она рыдала за кухонным столом, сжимая в руках какие-то письма. Я побежала за миссис Кулберсон. Джеральдина прочитала одно из них и погладила маму по плечу. «Никто не отберет у тебя детей, Шарлотта, – пообещала она. – Не переживай».

Спустя несколько дней к нам постучались пастор Берк с

женой. Мама пригласила их войти и поставила на огонь кофейник. Когда кофе был выпит, миссис Берк передала ей какой-то конверт. Мама заглянула внутрь и ахнула.

– Я не могу это принять.

– Можешь, – возразил пастор. – Бери и расплатись со всеми долгами.

– Здесь больше, чем мы должны! – Мама попыталась вернуть конверт, но миссис Берк остановила ее.

– Обратно не возьму. – Она настойчиво отстранила мамину руку. – Не могу же я прийти ко всем этим людям и сказать, что Господь совершил ошибку, вложив в их сердца желание помочь тебе? Бог пожелал этого, и они выполнили Его волю.

Мама сидела, сжимая в руках пухлый конверт.

– Но ведь я не знаю, кто эти люди, – прошептала она. – Я даже не могу их поблагодарить.

– Они помогают не ради благодарности, Шарлотта, – мягко произнесла миссис Берк. – Господь знает, кто они. Он их отблагодарит.

Мама покачала головой и вытерла слезы кухонным полотенцем. Миссис Берк наклонилась и сжала ее ладонь.

– Иногда тот, кто исполняет Божий промысел, должен остаться в тени. А нам нужно лишь с благодарностью принять милость Господа.

Мама со слезами обняла миссис Берк. Пастор с женой ушли, а я наблюдала из прихожей, как она всхлипывает, прижимая к себе конверт. Время писем, кредиторов и угроз за-

кончилось. И мама вновь начала улыбаться.

Мы так и не узнали, кто собрал для нас деньги. Я прислушивалась к разговорам в церкви, надеясь уловить что-нибудь, что помогло бы распознать наших спасителей. Однако все вели себя так, будто им ничего не известно.

До этих событий, в течение нескольких лет, перед Рождеством я шарила под маминой кроватью или в шкафу под предлогом уборки, пытаясь найти хотя бы малюсенький подарок.

– Патриция, в Рождество нельзя думать только о себе, – сказала однажды мама, выгоняя меня из комнаты. – Важно не то, что тебе подарят, а то, что ты сама можешь дать.

В то время ее слова показались мне несуразными. Но когда мама получила набитый деньгами конверт от незнакомых нам прихожан, я поняла, что она имела в виду.

Я вылила остатки кофе в раковину, вымыла кофейник и, убрав его, направилась в гараж. Чтобы избежать пробок, выехала на час раньше. Дорога заняла сорок минут.

И дом Лайманов, и деревья рядом с ним были украшены рождественскими фонариками. На крыше, рядом с трубой, восседал Санта-Клаус в санях. У крыльца гостей встречал Фрости из мультфильма. А может, другой снеговик, похожий на него. В ожидании моего подопечного я открыла багажник. Дверь отворилась, и я увидела Джастина и Клэр Лайман. Клэр помахала мне в знак приветствия, положила руку мальчи-

ку на плечо, и они начали спускаться по ступеням.

– Как дела, Патриция? – поинтересовалась Клэр.

– Прекрасно, – улыбнулась я. – А как поживает твое семейство?

Клэр в ответ показала большой палец. Я подняла чемодан.

– Джастин, как ты?

Он пожал плечами и, отобрав у меня чемодан, сунул его в багажник.

– Дом выглядит очень красиво.

Клэр приобняла мальчика.

– Это Джастин помог. Без него мы бы не справились.

– Ух ты, Джастин! Потрясающе получилось!

Он устоял в землю. Клэр посмотрела на меня и, обхватив Джастина за хрупкие плечи, поцеловала его.

– Спасибо, что был с нами.

Мальчик кивнул, не поднимая глаз. Ему не хотелось уезжать.

– Можно мне потом вернуться? – прошептал он.

Мы с Клэр переглянулись. Слегка отстранив от себя Джастина, она посмотрела ему в глаза.

– Вы с мамой всегда можете прийти к нам в гости.

Однако он надеялся услышать совсем другое.

– Можно мне вернуться и остаться здесь жить?

– Джастин, мы тебя очень любим, но и твоя мама тоже тебя любит. Ты ей нужен.

Она открыла дверцу машины, и Джастин молча скользнул

внутри. Вдруг Клэр вспомнила о чем-то.

– Подождите!

Она убежала в дом и вскоре вернулась со свертком в яркой подарочной бумаге.

– До Рождества не открывай, – напутствовала Клэр, укладывая подарок мальчику на колени. – Это тебе и маме.

Она улыбнулась мне. Мы тепло попрощались. С Лайманами я работала уже несколько лет. Прекрасные приемные родители, готовые открыть двери своего дома для любого ребенка. На таких всегда можно положиться. Выруливая на дорогу, я заметила, что Клэр машет Джастину вслед. Он сидел, уставившись в пол.

– Джастин, смотри: Клэр тебе машет.

Я остановилась на минуту, ожидая, что он помашет в ответ. Джастин не шевельнулся. Клэр продолжала махать.

Я выехала на шоссе.

– Джастин, Клэр машет.

Мальчик сложил руки на коленях. Когда мы проезжали мимо почтового ящика напротив дома Лайманов, он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Клэр, и, повинувшись порыву, высунулся из окна и начал махать. Мы свернули за угол, и Джастин, крепко сжимая подарок, откинулся на сиденье. С восьми лет он успел сменить много приемных семей. Сейчас ему было двенадцать. Всегда трудно уезжать от людей, которые тебя любят. За последние девять месяцев Джастин побывал в двух приемных семьях, пока его мать лечилась от

наркозависимости.

– Твоя мама будет очень рада тебя видеть. – Я на минуту отвлеклась от дороги, чтобы взглянуть на мальчика.

Он смотрел в окно и ничего не отвечал. Ему явно не хотелось возвращаться к матери.

– Она сказала, что ждет тебя, и в выходные вы сможете выбрать елку вместе.

Джастин продолжал смотреть в окно. Я понимала, о чем он думает, однако мне очень хотелось верить, что мальчик ошибается.

Я остановила машину на стоянке у продуктового магазина и повернулась к Джастину. Я повидала многих родителей, прошедших реабилитацию. Часто было очевидно – им не хватит сил избавиться от зависимости. Но иногда среди них встречались и такие, кто полностью излечился и хотел наладить свою жизнь. Они разговаривали со мной искренне, от чистого сердца, а не просто говорили, что полагается. Я знала, что мама Джастина мечтает вернуть сына, исправить свою жизнь.

– Она выполнила все требования государства, и теперь здорова, Джастин. Твоя мама больше не сорвется.

– Ну да, как же, – пробурчал мальчик, снова отворачиваясь к окну.

– Джастин, она сильно изменилась.

Он молча наблюдал за каким-то мужчиной, который грузил продукты в багажник внедорожника.

Я постаралась поймать взгляд Джастина.

– Твоя мама уже не такая, какой ты ее помнишь.

Его глаза наполнились слезами.

– Она постоянно говорит, что изменится, а сама и не думает меняться. – Смутившись, Джастин смахнул слезы. – Все время обещает, но никогда не держит слово. Она просто врет, неужели не понятно!

Он вытер нос рукавом куртки. Достав из бардачка носовой платок, я протянула его мальчику.

– Она изменилась, – повторила я. – Знаю, тебе трудно в это поверить, но я видела ее, разговаривала с ней. Она стала другим человеком.

Джастин покачал головой. Я его не убедила.

– А еще твоя мама нашла работу.

– И скоро ее потеряет.

Я прижала мальчика к себе.

– Она снова стала парикмахером и любит эту профессию. До этого твоя мама работала на заводе, и там ей совсем не нравилось.

– Раньше ее из всех салонов увольняли.

Я посмотрела ему в глаза.

– Я понимаю, как тебе тяжело. – Одинокая слезинка скатилась по его щеке. – Но мама тебя очень любит. Она так старалась вылечиться, Джастин, а теперь хочет, чтобы ты вернулся к ней. Знаю, ты сердисься, но все-таки помоги ей.

Он кивнул.

– Я работаю уже много лет, встречала разных людей, и я уверена – мама тебя действительно любит.

Джастин теребил в руках подарок.

– Вы будете нас навещать?

– Да, это моя работа.

– А если не по работе?

Я улыбнулась.

– А ты угостишь меня какими-нибудь прохладительными напитками? Газированной водой или чаем со льдом, например?

– Да.

– А как насчет кондитерских изделий?

– Наверное, только я не знаю, что такое «кондитерские».

Я засмеялась и пристегнула ремень безопасности.

– Ты уж это выясни, а то вдруг я захочу что-нибудь кондитерское. Шоколад, например.

Мы подъехали к многоэтажному дому, где жила мама Джастина. Я обняла мальчика за плечи, и мы поднялись по лестнице. Не успела я постучаться, как Рита Рамирез, распахнув дверь, кинулась к сыну и прижалась щекой к его макушке. Ей было всего тридцать, но выглядела она лет на десять старше. Она затараторила что-то на испанском, и я остановила ее движением руки.

– Так нечестно! Говорите по-английски. Откуда мне знать, вдруг вы сейчас критикуете мой костюм или прическу. Так вы мне до конца дня настроение испортите.

Рита отступила на шаг, любуясь сыном.

– Какой ты красивый, – прошептала она, дотронувшись до его щеки. – Хочешь кушать?

Он покачал головой.

– Мисс Патриция, а вы? – Она взяла сына за руку и повела нас в маленькую кухню. – Может, кофе?

Рита протянула мне чашку, и мы сели за стол. Я уже осматривала ее квартиру и убедилась, что все в ней соответствует требованиям Департамента. Мне только и оставалось, что пожелать им с Джастином удачи.

Допив кофе, я собралась уходить.

– Дам вам знать, когда приду в следующий раз, – пообещала я, открывая дверь.

– Но вы всегда можете зайти и выпить прохладительный напиток с кондитерским изделием, – напомнил мне Джастин.

– Договорились, – кивнула я.

В глазах мальчика читалось сомнение.

Рита схватила меня за руку.

– Спасибо, мисс Патриция! Спасибо, что вернули мне Джастина!

Я улыбнулась им. Вот и еще одна чуть было не распавшаяся семья пытается начать все сначала.

Женщина обняла меня.

– Желаю вам чудесного Рождества!

Я не смогла вымолвить в ответ ни слова. Вместо этого по-

махала им рукой и начала спускаться по лестнице, молясь о том, чтобы на этот раз у Риты все получилось.

Накануне я отправила ей по почте два подарочных сертификата. Один – на покупку рождественских украшений, другой – в ближайший продуктовый магазин. Рита и Джастин получают их самое позднее завтра. Конечно, это не так много по сравнению с тем, что передали когда-то моей маме. Но я надеялась – сертификаты помогут Рите и Джастину весело отпраздновать Рождество.

Перед тем как отправиться в офис, я заглянула на автомойку. Не люблю, когда в машине скапливаются дорожные реагенты, а с ботинок Джастина натекло много грязи. Я попросила мойщиков вытащить сиденья и прочистить под ними – на прошлой неделе они об этом забыли.

В офисе я включила компьютер и просмотрела папку с документами Рамирез, желая удостовериться, что с ними все в порядке.

Несколько недель назад наши сотрудники целых два часа наряжали на работе елку, украшали стены побегami плюща. Я тогда специально назначила на это время встречу вне офиса, чтобы не мешать всеобщему веселью. Рождество давно перестало меня радовать, и мне не хотелось никому портить праздник.

Я со стуком закрыла ящик, и от громкого звука на столе Роя Брейдена включилась игрушечная рыбка. Она весело задвигалась под заигравшую песенку «Переехал бабулю

олень». Я поморщилась. Эта рыба каждый раз выводила меня из себя! Хорошо хоть, игрушечный Санта-Клаус сломался в прошлом году, однако Рой все равно ежедневно вытаскивал его и упорно пытался починить. Рой работал в Департаменте дольше, чем я. Его первая жена, с которой они двадцать восемь лет прожили душа в душу, умерла. Он тогда горевал и чувствовал себя очень одиноко. Через год после ее похорон Рою показалось, что он влюбился в Эллу. Они поженились, но их брак был ошибкой. Рой осознал, что не любил ее, а просто слишком страдал от одиночества. Они не прожили вместе и двух лет – расстались. Теперь он уже четыре года встречается с Барбарой, но не отваживается сделать ей предложение, хотя я не раз его предупреждала, что так он может ее потерять. «Вы прекрасная пара», – часто повторяю я. У Роя четверо детей, пятеро внуков и шестой на подходе. А еще Рой – замечательный друг. Я заметила на его столе пончик и, подкатившись в кресле, взяла и откусила кусок. Это, конечно, не кража. Наоборот, я проявила о Рое заботу: с таким холестерином ему вредно есть жирное. Заслышав голос друга, я поспешно зачихнула остатки пончика в рот. Рой подошел к своему столу и остановился.

– Патти, ты не видела тут пончик?

Я наклонилась, усердно разглядывая стол.

– Тут ничего нет.

Он открыл ящик и заглянул внутрь.

– Но я точно помню, что оставил его здесь! Ладно, возьму

еще. – Рой направился в комнату отдыха.

– Там уже кончились. – Я сделала вид, что сосредоточенно печатаю на компьютере.

Он воздел руки.

– Все, о чем человек просит, – какой-то несчастный пончик, который помог бы продержаться до конца рабочего дня. Разве это так много?

– А по-моему, человек за полвека уже переел пончиков.

Он остановился и с укором посмотрел на меня.

– Я-то думал, ты пошла в социальные работники, чтобы помогать людям и поддерживать их.

Я рассмеялась. В этот момент мой телефон зазвонил.

– Думаешь, я толстый? – Рой натянул рубашку у себя на животе.

Я сделала ему знак, чтобы он помолчал, и подняла трубку. Звонил Линн Максвейн, наш начальник.

– Может, я и чересчур большой, но это же неплохо, – про-бормотал Рой. – Большой – не значит толстый!

Я отвернулась от него и плотнее прижала трубку к уху.

– Хорошо. Сейчас буду. – Я отключилась и, вытаскивая из шкафчика папку, пояснила: – Бриджет Слоун несколько минут назад арестовали.

– За что?

– Продала наркотики полицейскому под прикрытием. Мне нужно пристроить Мию. – Я сокрушенно покачала головой, засовывая бумаги в портфель. – Вчера в семь вечера

Бриджет ушла и не вернулась. А ребенок все это время оставался совсем один.

Рой посмотрел на часы, и я помогла ему подсчитать.

– Пятнадцать с половиной часов. Сейчас у них дома полиция.

Бриджет Слоун было восемнадцать лет, и она одна растила дочь – симпатичную десятимесячную малышку, которая, по мнению Бриджет, мешала ей жить. Два года назад девушка сбежала из дома и с тех пор постоянно бродяжничала. Если бы она знала, кто отец ребенка, обязательно бы подала на алименты, чтобы покупать наркотики. Но пока Бриджет поняла, что беременна, прошло три месяца, а к тому времени она уже успела напрочь забыть, где была, с кем спала и что курила. Бриджет посадили в тюрьму за подделку банковского чека, и когда она родила, нам пришлось на три месяца поместить ребенка в приемную семью. Я позвонила бывшим приемным родителям Мии, чтобы узнать, смогут ли они вновь принять ее, но автоответчик сообщил, что их нет в городе. Тогда я набрала Сандру и Гая Майкл. С ними я работала не так долго, но они мне нравились.

– Конечно, – заверила меня Сандра, – привозите ее в любое время!

Я положила трубку и взяла сумочку.

– Ты едешь?

Рой молча снял с крючка куртку и последовал за мной к лифту.

Дома у Бриджет мы застали полицейского. Тот пытался успокоить рыдающую Мию.

– Мы из Департамента по делам семьи и детей. – Я протянула полицейскому удостоверение и приняла из его рук очо-ченевшую малышку. – Как холодно! Здесь что, нет электричества?

– Нет, – ответил тот. – Видимо, отключили за неуплату. Я тщательно укутала Мию одеялом, в которое та была завернута, и прижала к себе. Ладонки девочки были ледяными.

– Она плачет с момента нашего приезда, – пожаловался полицейский. – Так заходится, что ее даже вырвало. Мы не нашли подгузников, пришлось приспособить бумажное полотенце.

Я опустила руку на попку малышки и нащупала огромный импровизированный подгузник.

– Тише, тише, – зашептала я девочке. – Все будет хорошо, Мия. Все будет хорошо.

Она напрягла ножки и заплакала еще громче. Я стала шарить по кухонным шкафчикам в поисках детского питания.

– Тут ничего нет, – махнул рукой полицейский. – Мы уже искали.

– Пойду уложу ее вещи. – Рой направился в детскую. Полицейский протянул ему пакет с одеждой Мии.

– Я знал: это вам понадобится. Тут все, что я смог найти.

Рой взял пакет и, заглянув в комнату Мии, уставился на то, во что превратилась ее кроватка. Прижимая к себе малышку, я подошла к нему.

– Кажется, подгузники у Бриджет давно закончились, – заметил Рой.

Я покачала головой и вновь попыталась утешить девочку. Она очень хотела есть, и нужно было срочно найти, чем ее покормить. Я развернулась к выходу.

– Что с ней теперь будет? – спросил полицейский.

– Попадет в приемную семью.

– Ее когда-нибудь вернут матери?

– Не знаю.

– Ни один ребенок не должен проходить через такое.

– Согласна, – вздохнула я, укачивая Мию.

Рой открыл входную дверь, и мы вышли на лестничную площадку.

Из соседней квартиры выглянула женщина.

– Мэм! – позвала она. – Мэм!

Я обернулась. Женщина подходила ко мне с детской бутылочкой в руках.

– Я слышала ваш разговор с полицейским. – Она протянула мне бутылку. – Это теплое молоко. Конечно, не детское питание, но, может, тоже сгодится.

– Спасибо, – поблагодарила я. – А подгузников у вас не найдется?

Соседка убежала к себе и, вернувшись, вручила мне

несколько штук.

– Они ей великоваты, но все лучше, чем ничего.

С этими словами она скрылась за дверью своей квартиры. Щелкнула задвижка. Я передала подгузники Рою и поднесла бутылочку к губам Мии. Девочка не переставала плакать, и мне пришлось самой сунуть ей в ротик соску.

– Кушай, малышка, – приговаривала я. – Вот так, моя умница.

Мия принялась жадно сосать. Я утерла ей слезы и, поцеловав в макушку, теснее прижала девочку к груди, чтобы она чувствовала себя защищенной.

– Мия, ты не против проехаться на машине и поискать тебе чего-нибудь перекусить?

Рой открыл перед нами заднюю дверцу автомобиля. Я положила девочку на сиденье и сняла с нее бумажное полотенце.

– Все сухо, – сообщила я Рою.

Я боялась, как бы у Мии не началось обезвоживание после пятнадцати с лишним часов без еды и питья. Надев на малышку подгузник и пристегнув ее ремнем безопасности, я принялась было укрывать ее ножки одеялом, однако, почувствовав запах, отложила его в сторону: оно все пропиталось сигаретным дымом.

– Достань, пожалуйста, одеяло из багажника, – попросила я Роя.

Он открыл багажник и протянул мне одеяло. Я укутала им

Мию и сверху положила бутылочку с молоком, так, чтобы ей было удобно пить.

– Сейчас покушаем, – пообещала я, заметив, что бутылка почти опустела.

Как только молоко кончится, малышка снова заплачет. Я уселась на заднее сиденье рядом с Мией, и Рой повез нас в ближайшее кафе.

Я передала бутылочку официантке с просьбой как можно скорее наполнить ее теплым молоком. Мия снова зашлась плачем, и я начала утешать девочку, уверяя, что скоро ей принесут еще молочка.

– Никогда мне этого не понять. – Рой кивнул. Как и все наши сотрудники, он прекрасно знал, о чем я. – Очень многие с удовольствием позаботились бы о малышке.

– Обязательно найдутся такие люди, – заверил меня Рой. Я знала, что он имеет в виду. На сей раз за продажу наркотиков Бриджет надолго сядет в тюрьму. Сначала Мия попадет в приемную семью, а потом ее, вероятно, удочерят.

Официантка вернулась с молоком, и я снова вложила соску девочке в ротик. Она сразу же перестала плакать.

– Шуму от нее много, но она такая миленькая, – улыбнулась официантка и, обращаясь к малышке, добавила: – Твоя мамочка не даст тебе умереть с голоду!

Я промолчала. Да и зачем кому-либо что-то объяснять? Официантка ушла за нашим заказом. Рой проводил ее взглядом.

– Почему она решила, что ты мама Мии, а то, что я могу быть ее папой, ей даже в голову не пришло?

– Рой, да ты только посмотри на нас! Совершенно ясно, что юная красотка вроде меня ни за что не выйдет замуж за такого старого увальня, как ты, – подшутила я над ним, поглаживая Мию по спинке.

Рой обиженно уставился на меня.

– Ты просто идеальный соцработник! Такая добрая и вежливая! Умеешь сделать комплимент!

Я засмеялась. Всегда знала, что сказать, чтобы подразнить Роя.

Официантка принесла картофельное пюре. Я усадила Мию к себе на колени и принялась кормить ее с ложечки.

– Мия, мне очень жаль, что тебе довелось такое испытать, – прошептала я.

Малышка меня не понимала, она просто радовалась возможности наконец поесть и весело подпрыгивала у меня на коленях каждый раз, как я подносила ей ложку ко рту. Несколько минут мы с Роем молча наблюдали за девочкой.

– Я не устаю удивляться, какие они милые, – вздохнул Рой. – Им вроде бы должно быть грустно, а они все равно улыбаются. – Он пощекотал ножку девочки, и та со смехом отдернула ее.

– Я столько лет жду, когда что-то изменится, но все остается по-прежнему.

Рой всплеснул руками.

– Что, по-твоему, может измениться? Люди? Думаешь, в один прекрасный день все исправятся? Начнут вдруг заботиться о своих детях? Перестанут продавать наркотики? Да ничего не изменится, пока род людской существует!

Я снова начала поить Мию из бутылочки.

– Ну что, нашей крошке лучше? – Я усадила ее на стол. – Лучше нашей маленькой, да?

Не помню точно, что я болтала, но Мия заливисто смеялась.

– Тебе смешно?

Девочка хлопала себя по коленкам и восторженно попискивала.

– Смешно, да? Посмотрела бы ты на меня, когда я в ударе. – Я взяла ее на руки. – Тогда я и не так могу всех повеселить!

Она опять засмеялась. Я подала знак официантке, и та принесла еще молока. Рой перелил его в бутылочку, и я начала поить Мию. Вскоре малышка сонно обмякла у меня на руках. Кажется, она была не прочь провести так остаток дня.

Когда мы собрались уходить, официантка погладила Мию по ножке.

– Видишь, я же говорила – мамочка не даст тебе умереть с голоду!

Поблагодарив ее, я укутала Мию одеялом и вышла на улицу.

Мы отвезли девочку к Гаю и Сандре Майкл. Потом я вер-

нулась в офис, чтобы составить отчет. К концу дня все вокруг только и говорили, что о планах на Рождество. Я углубилась в бумаги, надеясь, что так смогу избежать разговоров вроде «а ты на праздники остаешься или уезжаешь?». Моя уловка сработала. Впрочем, все сотрудники и так давно знали, что меня лучше не трогать. Все, кроме Роя.

– Марк работает в Рождество, Патти?

Я вздохнула. Так и знала, что избежать этой темы не удастся. Уже три года Рой приглашал меня отметить Рождество вместе с ним и его семьей, и я всегда отказывалась.

– Не знаю.

Он понимал, что я вру. Последние два года Марк работал в праздники. И нынешнее Рождество – не исключение.

– Когда узнаешь, скажи. Барбара собирается отмечать Рождество у меня, и дети с внуками тоже. Все будут очень рады тебя видеть! Барбара зажарит индейку и вообще наготовит разной вкуснятины.

Я собрала вещи и вручила Рою небольшой красиво упакованный еженедельник с его именем на кожаной обложке.

– А я для тебя ничего не приготовил. – Он был скорее расстроен, чем рад моему подарку.

– А мне ничего и не нужно. – Я натянула куртку и обняла Роя на прощание. – Счастливого тебе Рождества!

И еще до того, как он успел снять оберточную бумагу, я направилась к лифту. Оставшись одна, я вздохнула свободно. Приехала к себе, зашла в пустой дом и захлопнула дверь.

Я не понимала, как люди могут с таким нетерпением ждать Рождества.

Глава 2

*Надежда никогда тебя не покидает. Ты сам
оставляешь ее.*

Джордж Вайнберг

Всего полчаса как я приехала домой. Только успела переодеться и проверить почту, когда зазвонил телефон. Часы показывали ровно шесть, минута в минуту. Еще ни разу мне не удалось опередить маму: она всегда умудрялась позвонить прежде, чем я доберусь до телефона.

– Алло.

– Как прошел день, Патти?

– Прекрасно! – Я всегда так отвечала.

– Что у тебя на ужин?

– Не знаю, еще не заглядывала в холодильник.

– Тогда приезжай к нам. У меня курица в духовке, на двоих многовато.

Мама вышла замуж за Лестера Аллена, когда мне исполнилось четырнадцать. Он был прихожанином церкви, где нам помогли, вел холостяцкую жизнь и работал прорабом. Сначала они с мамой стали рядом садиться в церкви. В то время я еще ни о чем таком не подозревала, но когда Лестер начал у нас обедать по воскресеньям, я начала догадываться и пришла в замешательство. Он был коренастым и круглолицым, носил очки, а его брюки смотрелись на дюйм коро-

че, чем следует. Никогда бы не подумала, что такой мужчина заинтересует мою маму. Однако после того, как они начали встречаться, я заметила, что маме он нравится. Лестер относился к ней по-доброму, помогал и всегда мог поднять настроение. Он уважал маму, а заодно и нас с Ричардом. Непонятно, как вообще он решился жениться на матери двух подростков. Думаю, большинство мужчин на такое ни за что бы не отважились. Лестер оказался другим. Он никогда не торопил события, не строил из себя папашу. Прекрасно осознавал, что он нам не отец. И все же стал им, заменив родного папу. Мой брат его сразу полюбил. В отличие от мамы я тогда не понимала, насколько он нуждается в отце. Лестер усыновил нас вскоре после свадьбы. Ричард почти сразу же начал звать его папой, а я долго не могла. Когда мне исполнилось шестнадцать, наконец решилась. Это оказалось совсем просто. Так Лестер стал для нас настоящим отцом.

Я все же приехала к родителям, несмотря на усталость, — они давно меня не видели и, конечно, беспокоились.

После ужина я вызвалась убрать со стола.

— Марк сегодня ночует дома? — как бы между прочим спросила мама.

Она прекрасно знала, что нет. Просто ей хотелось завести о нем разговор, узнать, как у него дела.

— Нет, утром вернется.

— Бедняга. Наверное, так устает после ночных рейсов.

Я пожала плечами.

– Он уже привык.

Мама счистила с тарелок остатки еды в измельчитель для пищевых отходов и включила его.

– Я купила ему на Рождество массажер для спины, – сказала она, перекрикивая гудение измельчителя, – с длинной ручкой, чтобы доставать до поясницы. – Она закинула за плечо руку с зажатой кухонной лопаткой, показывая, как именно это делается. – Как думаешь, ему понравится?

Я положила тарелки в посудомоечную машину.

– Очень.

Совершенно бесполезно объяснять, что нам не нужно ничего дарить. Так было бы проще. Несмотря на то, что случилось, мама продолжала относиться к Марку как к сыну и не соглашалась оставлять его без подарка на Рождество. Он понравился ей с самой первой встречи, когда мы приехали к нам домой из колледжа на День благодарения.

Мама не высказывала своего мнения о мальчиках, с которыми я встречалась до Марка, однако умела дать понять, если кто-то из них ей не нравился.

Один мой парень как-то развалился на диване и хрустел кукурузными хлопьями, которые утащил с кухни.

– Он что, мультики смотрит? – спросила меня мама, заглядывая в гостиную.

– Ну да. – Мне не хотелось продолжать этот неприятный разговор.

– Не знала, что в восемнадцать лет молодые люди интере-

суются мультфильмами.

В другой раз, когда у нас гостил очередной мой приятель, мама заметила:

– Уже половина девятого. Я бы поставила блинчики, но не знаю, сколько он еще будет спать.

Когда в пятнадцать минут десятого парень наконец вошел в кухню, лохматый, в замызганной футболке и семейных трусах, я увидела выражение мамино лица. И очень понадеялась, что она ничего не скажет. Мама промолчала.

«Целеустремленность никому не вредит, – не уставала она мне твердить. – А бездельники ни к чему не стремятся».

В те времена, когда я бегала на свидания, это было мамино излюбленное словечко – «бездельник».

«Только не выходи замуж за бездельника», – наставляла она.

Я понимала, что мама и моего родного отца считает бездельником, хотя она никогда не произносила этого вслух, по крайней мере, при мне.

«Бездельников пруд пруди. Они встречаются на каждом шагу. Но есть и хорошие парни. Их найти труднее, но они есть».

Марк и был таким. Не бездельником. Целеустремленным. Мама обожала это качество в молодых людях. Он называл моих родителей «мистер и миссис Аллен», рано просыпался, убирал постель и не выносил еду с кухни. Когда Марк открывал передо мной дверцу машины, я видела, как озаряет-

ся улыбкой мамино лицо. Марк знал, чего хочет. И мама не сомневалась, что он собирается сделать меня своей спутницей жизни. Она точно знала, что этот молодой человек меня любит.

Мы познакомились с Марком, когда я училась во втором курсе. Я стояла за ним в очереди в столовой. В какой-то момент он повернулся, чтобы взять стакан, и случайно столкнул мой поднос с тарелкой спагетти. В нас обоих полетели брызги соуса.

– Прости, пожалуйста, – засуетился Марк, смахивая липкие, измазанные в соусе макаронины с моей коричневой замшевой сумочки.

Я посмотрела на него и покраснела. Я и раньше обращала внимания на этого парня: он играл в нашей футбольной команде. Но мы еще ни разу не разговаривали.

– Ничего страшного, – пробормотала я, прижимая к юбке стопку салфеток.

Марк тем временем вытирал с пола ярко-красные пятна соуса. Вот он выпрямился, чтобы выкинуть комок перепачканных салфеток, взглянул на меня и замер. У него были русые волосы, карие глаза и обаятельная улыбка. Он не отрывал от меня взгляда, и я потупилась, жалея, что не очень нарядно одета.

– Я идиот. Мне правда неловко. – Марк взял еще один поднос для меня. – Давай помогу.

– Что ты, не надо. Я лучше пойду переоденусь. Зайду по-

позже, когда будет... безопаснее. – С трепетом в душе я надеялась, что он захочет подождать меня и пообедать вместе.

– Можно я тебя подожду? – спросил Марк.

Он не выглядел высокомерным или самонадеянным, не был уверен, что я сразу соглашусь. Просто ждал ответа.

Мое сердце бешено забилося. Я кивнула.

Марк получил лицензию пилота, когда ему исполнилось семнадцать. Подрабатывал каждое лето в небольшой авиакомпании, занимающейся грузовыми перевозками. Сначала – на складе, потом в офисе. Пока наконец не стал летчиком. После колледжа планировал переехать в другой штат и найти работу в коммерческой авиакомпании. Учился он курсом старше, чем я. Нам обоим не хотелось расставаться на целый год, поэтому, как только Марк окончил колледж, мы поженились. Мама настаивала, чтобы я получила высшее образование, и я заверила ее, что так и сделаю, как только мы с мужем обустроимся на новом месте. Забеременела я раньше, чем мы планировали. Когда на свет появился Шон, со свадьбы прошло всего одиннадцать месяцев, еще через месяц я получила диплом. Внешне Шон был похож на меня, характером пошел в Марка. Я всюду брала его с собой, и он никогда не капризничал. Я не такая, не могу усидеть на месте. А после рождения сына оказалось, что на месте сидеть и вовсе невозможно. Забавно: как только узнаешь, что у тебя будет ребенок, радуешься, а потом начинаешь бояться. Бояться того дня, когда он сделает первые шаги, потому что не

сможешь больше прижимать его к себе так часто. Или когда он захочет одеваться самостоятельно, потому что уже «совсем большой». Когда перестанет называть Красную Шапочку «Классной Шапочкой». Когда в первый раз отправится в детский сад. Когда обнаружит, что на свете есть звук «р», и уже не будет говорить «я нарисовал» вместо «нарисовал». Когда снимет с дверцы холодильника перепачканные краской бумажные листы, по которым когда-то старательно малевал ладошками в уверенности, что это радуга, или львенок, или портрет мамы с папой, а вовсе не кляксы. Родители наблюдают, как их малыш растет, и радуются за него, но порой у них сжимается сердце. Однажды кто-то сказал мне, что после рождения ребенка у матери еще восемнадцать лет болит за него душа. «Глупость какая, – возразила мама, когда я рассказала ей об этом. – Не восемнадцать лет, а всю жизнь».

Когда Шону исполнилось год и два месяца, Марку предложили работу в другой авиакомпании, ближе к моим родителям. Мама чуть с ума не сошла от радости, узнав, что мы будем жить, как она выразилась, «в двадцати минутах от ее дома». Когда сыну было два годика, мы хотели родить второго ребенка, но через пару лет безуспешных попыток поняли: что-то не так. К тому времени, как Шон подрос и мы готовились отдать его в садик, стало ясно – нам не суждено больше иметь детей. Шон пошел в школу, и я начала работать. Я так и не смогла забеременеть, хотя мы не теряли надежды. «Ничего, – утешал меня Марк. – У нас прекрасная семья. Я

счастлив».

Долгие годы мы действительно были счастливы, однако не обошлось и без проблем. Авиакомпания, в которой трудился Марк, обанкротилась, и тысячи сотрудников потеряли работу. У его мамы обнаружили рак молочной железы, и ей пришлось много лет лечиться. Мы с мужем часто ссорились из-за семейного бюджета: он любил делать необдуманные покупки, а я считала, что нужно все взвесить, прежде чем тратить деньги на новый автомобиль или дорогой магнитофон. Однажды мы все вместе ехали в машине. Шон сидел на заднем сиденье и слушал, как родители пререкаются, обсуждая финансы. «Мам, пап, не ссорьтесь», – попросил он, пытаясь дотянуться до нас. Он был таким мудрым в свои два с половиной!

Вернувшись домой после первого дня в садике, Шон заявил мне:

– Мамочка, я от тебя никогда не уйду! Всегда буду с тобой.

– А что же ты станешь делать, когда женишься?

– Жить здесь!

– Но твоя жена захочет, чтобы ты помогал ей по дому и жил с ней. Она ведь будет тебя очень любить.

– А я буду любить тебя, – горячо заверил меня Шон. – Всегда, всегда, всегда!

Много лет я хранила на видном месте в спальне прадедушкины карманные часы. Они висели на потускневшей латунной подставке, которую прадед вместе с часами передал

сыну – моему дедушке. Стоило мне чуть отвлечься, как Шон выдвигал ящики комода, карабкался по ним, доставал часы и клал себе в кармашек. «Это не простые часики, – объясняла я, отбирая их у сына. – Нужно очень бережно с ними обращаться». Шон кивал и делал вид, что внимательно слушает, но через несколько дней, войдя к нему в комнату, я опять заставала его за игрой с часами. «Я отдам тебе часики, когда ты подрастешь, – говорила я. – Моя прабабушка подарила их прадедушке, когда они были еще совсем юными. Дедушка подрос, и его папа передал их ему, тот – своей дочке – твоей бабушке, а бабушка – мне. А потом настанет и твой черед их беречь». Однако Шон был слишком мал, чтобы заинтересоваться семейной историей, так что в конце концов я просто унесла часы в кабинет и положила высоко на книжную полку, откуда он не мог их достать.

Когда сын подрос, он нередко приводил домой друзей. Мы с Марком предпочитали, чтобы Шон и его друзья общались под нашим присмотром, а не в гостях у кого-нибудь, чьих родителей мы совсем не знали. Как и все подростки, ребята были шумными и озорными. Однажды они носились по кабинету, и Шон налетел на книжную полку. Прадедушкины часы свалились на пол, а Шон упал сверху, всмятку раздавив их коленом. Я еле сдерживала слезы. Как можно быть таким неосторожным, с таким пренебрежением относиться к старине?

– Мама, прости, – извинился Шон. – Я куплю тебе другие.

– Не говори глупостей, Шон! – оборвала я его на глазах у приятелей. – Невозможно заменить семейную реликвию. Нельзя купить воспоминания.

Я собрала осколки часов и обернулась через плечо.

– Твоим друзьям пора домой. И мы не будем приглашать их в гости по крайней мере месяц.

Сейчас я понимаю, что перегнула палку, однако в тот момент я была слишком расстроена и сердита, чтобы сдержать гнев. Еще долго я хранила в коробочке разбитые часы, надеясь, что опытный мастер сумеет их починить, но мои опасения подтвердились: часы ремонту не подлежали. В конце концов пришлось их выбросить. Шон вновь пообещал подарить мне другие.

– Не нужно, – махнула я рукой, целуя его. – Подумаешь, часы.

Прошли годы. Шон со своей девушкой собирался на выпускной бал. Мы с Марком фотографировали их на заднем дворе. Сын так красиво смотрелся в смокинге, и ей необыкновенно шло мерцающее платье цвета морской волны. Мы проводили их к машине. Шон распахнул перед девушкой дверцу, затем подошел к нам и обнял меня. «Всегда», – прошептал он, и на моих глазах выступили слезы.

Теперь кажется, что все это происходило очень давно. Мы были молодыми и счастливыми и жили в ярком и радостном мире. Но жизнь идет, обстоятельства меняются, и счастье уходит, как бы мы ни старались его удержать.

Я вымыла последнюю сковородку и отправила ее на сушилку.

– Спасибо за ужин, мам. Мне пора.

Мама взяла сковородку, вытерла ее и сунула в шкафчик под плитой.

– На ферме Лонгворт готовится праздничное представление. А еще будут рождественские гимны, угощения и даже катание на санях.

– Кажется, я что-то об этом читала, – кивнула я, натягивая куртку.

– Мы с Лестером собираемся туда пойти. Хотите с нами?

– Может, у меня и получится. Но насчет Марка не уверена.

Мама принялась выкручивать мокрое полотенце.

– Было бы неплохо, если бы вы пришли вдвоем, – подал голос папа.

Я промолчала. Не хотелось снова заводить этот разговор. Я потянулась за сумочкой.

– Патти, вы бы обратились к семейному психологу, – посоветовала мама.

Я жестом остановила ее:

– Мы уже пробовали. Они ничем не могут помочь.

Я открыла входную дверь.

– Патти, Марк любит тебя, а ты его. Постарайся сохранить семью. Пожалуйста. Сделай все возможное, прежде чем...

С досадой я прервала ее:

– Я уже сделала все, что могла. Мы оба сделали.

Несколько дней назад Марк начал укладывать свои вещи в коробки и чемоданы. Мама видела это и не понимала, почему я его не останавливаю. А я просто не могла. Не знала, как. За четыре года я не предприняла ничего, чтобы ему захотелось остаться. Удивительно, что он вообще выдержал так долго. Родители были не в курсе, что я уже говорила с Марком, когда он начал собираться.

– Ты уходишь?

Он сунул руки в карманы и уставился в пол.

– У меня больше нет сил, Патриция. – Да, он действительно уходил. – Я не могу так жить.

Я вышла из комнаты. Расставание, безусловно, не сделает нас счастливее, однако мы оба еще год назад поняли, что оно неизбежно. Скоро наша семья совсем развалится.

– Ты говоришь так, будто уже ничего нельзя исправить, – сокрушенно покачала головой мама. – Но надежда есть всегда, Патти. Нужно просто...

Я не выдержала:

– Хватит, мама. Пожалуйста, перестань.

Перед тем как захлопнуть за собой дверь, я успела перехватить ее взгляд. Конечно, она обиделась. Вся дрожа, я села в машину. И когда я успела стать такой бессердечной? Надо было поговорить с ними, но сил уже не осталось.

Я приехала домой и легла в постель, молясь, чтобы хоть

на один день в моей душе воцарился мир.

Глава 3

*Пережить горе и преодолеть отчаяние
возможно, только помогая другим.*

Эли Визель

Мне что-то снилось. Не знаю, как долго звонил телефон, пока я наконец не проснулась и не осознала, что происходит. Была почти полночь.

– Патриция, это Карен Делфи. Простите, что звоню так поздно, но дело срочное.

– Что стряслось?

– Мы только что получили сообщение от мамы Эрика. Его папе стало хуже. – Я была в курсе, что отец Эрика страдает от эмфиземы. – Врачи предупредили – если мы хотим с ним проститься, надо ехать прямо сейчас.

– Поняла. Уже выезжаю за Эмили.

Пятилетняя Эмили Уэйст жила с Карен и Эриком последние пять месяцев. По дороге к дому Делфи я пыталась договориться с другой приемной семьей, чтобы девочку приютили.

Впервые я встретила Эмили чуть меньше полугода назад, в июле. Поговорив с ней и ее соседкой, Гретой Ларсон, я получила примерно представление о случившемся.

В тот день Эмили сидела на краю ванны и наблюдала за

тем, как ее мама собирается на работу.

– Сейчас позвоню миссис Ларсон, спрошу, сможет ли она посидеть с тобой, – сказала мама.

Грете Ларсон было шестьдесят один год. Жила она на той же улице, где Трейси и Эмили снимали крохотный домик, и всегда их выручала. Готовила для них что-нибудь вкусное, дарила Эмили то зимнюю курточку, то пару туфелек, и приглядывала за ней, когда Трейси неожиданно вызывали на работу в ресторан.

В дверь позвонили, и Эмили спрыгнула с края ванны.

– Я открою!

Она распахнула дверь и увидела Грету с тарелкой, накрытой листом фольги.

– Миссис Грета! – Эмили кинулась обнимать гостью.

– Ты уже поела? – поинтересовалась соседка.

– Не-а.

– Будешь куриный пирог?

– Буду! – Девочка приняла тарелку из ее рук и поставила на стол с красно-сине-белой клеенкой.

– Пирог вчерашний, но все еще вкусный. Я ела его на обед.

Трейси вышла из ванной, расчесывая волосы.

– Грета, здравствуйте, я как раз хотела вам звонить. – Тут она заметила, что миссис Ларсон одета в нарядную блузку и брючки, и осеклась. – Ух ты! Отлично выглядите.

– Сегодня у нас годовщина свадьбы. Хэл пригласил меня в ресторан.

Эмили подняла голову и посмотрела соседке в лицо.

– Так, значит, вы не сможете ...

Трейси торопливо приблизилась к Эмили, показывая, что лучше помолчать.

Заметив недоуменный взгляд девочки, Грета заподозрила неладное.

– Трейси, ты что, работаешь сегодня? Нужно пригладеть за Эмили?

– Нет-нет. Идите с Хэлом, хорошо вам отметить годовщину!

– Мы можем и в другой день пойти. Ничего страшного. Больше сорока годовщин уже отметили.

– Не стоит, я найду кого-нибудь.

– Точно? – усомнилась Грета.

– Конечно!

Миссис Ларсон не могла припомнить случая, чтобы за Эмили присматривал кто-то еще.

– Может, тогда мы с Хэлом возьмем Эмили с собой?

– Да! – обрадовалась девочка.

– Нет, – решительно отказалась Трейси, провозжая соседку к выходу. – Отдыхайте. И спасибо за пирог! Я сейчас позвоню кому-нибудь и попрошу посидеть с Эмили.

– Если никто не сможет, сразу дай мне знать, – произнесла Грета, выходя на улицу.

Трейси взяла телефон. По первому номеру никого не оказалось дома. Следующий был недоступен. Прошло двадцать

минут. К тому времени Трейси обзвонила всех знакомых и уже опаздывала. Она накинула рабочую форму, присела за стол рядом с Эмили, доедающей пирог, и задумалась.

– Мама, что с тобой? – забеспокоилась девочка.

Трейси со стоном обхватила голову руками, раскачиваясь из стороны в сторону. Потом подняла взгляд на дочь.

– Слушай меня внимательно, – велела она, застегивая форму, и сняла со стены часы. – Я должна быть на работе, когда длинная стрелочка подойдет к двенадцати, а короткая – к шести. – Она указала пальцем на двенадцать и на шесть. – Моя смена начнется, когда стрелки примут вот такое положение. А когда короткая стрелочка будет между восемью и девятью, а длинная – на шести, ложись спать. – Трейси развернула часы к Эмили и показала, в каком положении будут находиться стрелки. – Поняла?

Девочка кивнула.

– Я поеду домой, когда короткая стрелочка укажет на десять, а длинная – на двенадцать, но ты в это время уже будешь спать. – Трейси вытащила из часов батарейки. – Сейчас я поставлю стрелки так, чтобы часы показывали половину девятого. А ты следи за часами в гостиной. Когда стрелочки примут такое же положение, ложись и засыпай.

Эмили перестала жевать и посмотрела на маму.

– А с кем я останусь?

Трейси вздохнула: девочка так ничего и не поняла.

– Ты сегодня побудешь одна. Совсем немножко.

Эмили наморщила лоб.

– Но ты ведь не разрешаешь мне оставаться одной. Даже в машине.

– Верно, но сегодня особый случай. Никто не может с тобой посидеть, а я должна ехать на работу.

Девочка бросила взгляд в окно на дом Греты.

– Эмили, посмотри на меня. – Дочь перевела взгляд на маму. – Ты справишься? Сможешь посидеть одна и лечь спать, когда часы будут выглядеть вот так?

Эмили молча ковыряла остатки пирога в тарелке.

– А купаться?

– Не сегодня. – Трейси убедилась, что до Эмили наконец-то дошел смысл сказанного. – Можешь поиграть в своей комнате или посмотреть «Красавицу и Чудовище». Кассета уже вставлена. Но главное – не открывай никому дверь. Если кто-то постучит, выключи телевизор. Пусть думают, что никого нет дома. Ладно?

Эмили кивнула.

– Я постараюсь звонить как можно чаще. Но если позвонит кто-то посторонний, скажи, что я в ванной и перезвоню попозже.

– Но ты же будешь не в ванной, а на работе.

– Да, но я не хочу, чтобы об этом знали. Чтобы кому-то еще стало известно, что ты дома одна. – Трейси щелкнула зажигалкой и долго курила, пока от сигареты почти ничего не осталось. – Напомни, во сколько ты ложишься спать?

Эмили указала на часы.

– Правильно. А когда кто-то стучит в дверь, откликаешься?

Девочка помотала головой.

– Если кто-нибудь позвонит по телефону, ты скажешь...

– Что ты в ванной.

– Умница.

Трейси снова затянулась сигаретой и вздохнула. Конечно, оставлять пятилетнего ребенка одного – чистой воды безумие. Но что еще ей делать? За жилье накапливается долг, а на машине нужно менять две покрышки.

Трейси взяла сумку и присела на корточки перед дочерью.

– А давай через пару дней устроим себе праздник? Сплываем вниз по реке, посмотрим фейерверки и съедим торт «Муравейник».

У Эмили загорелись глаза.

Трейси сунула окурок в пепельницу.

– Договорились. Я запру за собой дверь. Ни в коем случае не открывай ее. Не выходи из дома и ложись спать. Поняла?

Эмили кивнула, потягивая молоко через трубочку в форме сердечка.

Трейси прижала дочь к себе и поцеловала ее.

– Я тебя очень люблю.

– И я тебя, – ответила девочка, зажав трубочку зубами.

Трейси наклонилась к ней.

– А поцелуйчик?

Выплюнув трубочку, Эмили чмокнула маму в щеку. Трейси расцеловала дочь и направилась к выходу.

– Никому не открывай. И вообще не подходи к двери. Даже не смотри в ее сторону. Пусть она остается запертой, а ты ложись спать в половине девятого. Люблю тебя!

Эмили помахала маме вслед и стала наблюдать за тем, как молоко поднимается по трубочке.

В тот июльский вечер я уже собиралась спать. Едва успела подняться на второй этаж, как зазвонил телефон. Часы показывали четверть двенадцатого, и я догадалась – звонок с работы.

– Алло.

– Патриция, вас из диспетчерской беспокоят. – Говорил сотрудник Департамента. – Дело не терпит отлагательств: ребенку срочно нужна помощь.

Я записала все сведения и указания по поводу маршрута и стала одеваться.

До места добралась около полуночи. У дома стояли две полицейские машины. Я показала удостоверение, и меня пропустили. Эмили сидела на кровати рядом с полицейским и рассеянно листала какую-то книжку.

– С ней был кто-нибудь? – спросила я.

– Она говорит, кто-то держал ее за руку, но когда мы приехали, никого, кроме девочки, не встретили.

– Она уже знает?..

– Мы ей толком ничего не объясняли. – Полицейский вздохнул. – Может, позвать священника?

Я покачала головой.

– Не нужно.

Я приблизилась к девочке и улыбнулась ей. Она взяла на руки лежавшего рядом игрушечного мишку. Полицейский вышел из комнаты, а я присела на кровать.

– Привет, Эмили. Меня зовут Патриция.

– Вы мамина подруга?

– Нет, я социальный работник. Помогаю детишкам и их родителям.

– И вы поможете нам с мамой? – Она крепко обняла мишку в ожидании моего ответа.

Сердце у меня разрывалось, но я обязана была сказать девочке правду.

– Эмили, твоя мама попала в аварию.

Малышка безучастно посмотрела на меня.

– Она получила тяжелые травмы и умерла. Скорая даже не успела довезти ее до больницы.

Эмили уставилась в пол.

– Понимаешь?

Девочка кивнула. Она явно не осознавала происходящего.

– Со мной будет что-то плохое?

– Нет, что ты. Все будет хорошо. Мы для того и приехали, чтобы тебе помочь. Твоя мама успела сказать полицейскому, что ты здесь. Она просила позаботиться о тебе.

Эмили отрешенно смотрела на меня.

– Твоей маме помогал полицейский. Она в первую очередь подумала о тебе. Объяснила ему, где ты находишься.

Эмили уткнулась лбом в мишку и стала покачиваться из стороны в сторону. Потом потянулась ко мне. Я посадила ее к себе на колени. Не выпуская игрушку, девочка прильнула к моей груди и обхватила меня за шею. Она не плакала, просто молча прижималась ко мне. Я стала укачивать ее, поглаживая по спинке. Диплом психолога, полученный мною семь лет назад, ничем не помогал в таких ситуациях.

– А когда мама вернется? – спросила наконец девочка.

У меня сжалось сердце. Я посмотрела ей в глаза.

– Она больше не вернется, солнышко.

Эмили замерла, положив голову мне на плечо. От таких слов всегда перехватывает дыхание и сковывает оцепенение. И неважно, сколько тебе лет. Я понимала: подобное очень трудно осознать.

– Можно я останусь тут?

– Я должна отвезти тебя в другое место, где тебе окажут помощь.

– Но мне не нужно помогать! – Эмили подняла часы, лежащие рядом с кроватью. – Когда стрелочки встанут вот так, я буду выключать мультик и ложиться спать. Буду делать все, как сказала мама.

Именно в тот момент я поняла, что с Эмили никого не было. Почему мама оставила ее одну, выяснилось позже, но

уже тогда я видела, что она любила свою дочь.

Я взяла девочку за руку.

– Знаю, ты уже совсем большая и очень храбрая, но все-таки лучше поехать туда, где тебя накормят и уложат спать и не надо будет смотреть на часы.

Эмили взяла на руки игрушечного крольчонка.

– Можно мне пойти к миссис Грете?

– Полицейский сказал, ее сейчас нет дома, но утром мы с ней обязательно свяжемся.

Девочка не понимала, что происходит.

– Я возьму с собой игрушки?

Я подняла мишку и протянула ей.

– Конечно. А я соберу твою одежду. Хорошо?

– Вы поедете со мной?

– Я тебя туда отвезу.

Эмили покачала головой: я не ответила на ее вопрос.

– Но вы поедете со мной?

Я погладила девочку по руке.

– Я не смогу с тобой остаться, но обязательно сделаю так, чтобы у тебя было все, что нужно.

Эмили молчала. Я уложила ее вещи. Их было совсем немного. На комод я заметила небольшой каталог, раскрытый на странице с фотографией девочки в летящем розовато-сиреневом платье, похожем на наряд принцессы. Словно наяву я увидела, как Эмили находит нужную страницу и ставит каталог на комод, так, чтобы мама обратила на него вни-

мание. Девочка была уверена: мама увидит его и обязательно купит ей платье на день рождения или поможет написать Санта-Клаусу письмо с просьбой о такой подарке. Я сунула каталог к себе в сумку и протянула руку Эмили. Однако девочке хотелось, чтобы я понесла ее на руках. Я подняла ее, а один из полицейских помог мне с чемоданом.

Малышка обвела взглядом комнату.

– Я сюда еще вернусь? – спросила она.

Все ее воспоминания о матери были связаны с этим домом, и я чувствовала, что должна дать ей возможность с ним попрощаться.

Я кивнула.

– Обязательно. Я тебя привезу.

Открыв дверцу машины, я посадила Эмили и пристегнула ее ремнем безопасности. Девочка выглядела потерянной. Поблагодарив полицейских и пообещав им оставаться на связи, я поехала к дому Делфи.

Следующим утром я проснулась, выпустила Лапу погулять и, просмотрев свои записи, набрала номер матери Трейси, но ее телефон был отключен. Тогда я позвонила ее отцу. Он не сразу взял трубку. Полиция уже рассказала ему о смерти дочери, но он не мог приехать на похороны – слег с васкулитом. Я спросила, видел ли он когда-нибудь свою внучку, Эмили. Он ответил, что видел очень давно, когда та родилась. Продиктовал новый номер телефона бывшей жены. Не теряя надежды, я позвонила ей. Она уже знала о смерти

Трейси и собирала сумку для похорон. Я выразила соболезнования.

– Мне пришлось отпроситься с работы, – посетовала мама Трейси, тяжело дыша: слишком быстро бежала к телефону. – А начальство не любит, когда отпрашиваются в последний момент.

Я была потрясена: она совсем не думала ни о дочери, ни о внучке!

– Эмили поместили в приемную семью, – сообщила я.

– Меня за такое могут уволить, – продолжала она. – Надеюсь, не уволят, но могут.

– Вы хотите повидаться с внучкой?

Женщина шумно выдохнула в трубку. Я мысленно представила, как она возмущенно отмахивается от меня.

– Если будет время. А его, может, и не будет! Хватит только на то, чтобы по-быстрому съездить туда-сюда. Меня надолго с работы не отпустят.

– Вы знаете отца Эмили? – перебила я.

– Если б знала, он бы сейчас не разгуливал где попало и не плодил детей от разных девчонок.

На этом и наш разговор завершился. Я позвонила брату Трейси. Он посочувствовал племяннице, но сразу дал понять, что не сможет взять ее к себе. Объяснил, что работает на складе в ночную смену, а семьи у него нет. Я положила трубку и вычеркнула всех троих. Ненавижу эту составляющую своей работы – видеть, что близкие ребенка ему вовсе

никакие не близкие и не могут, а то и не желают заботиться о нем. Кажется, единственной, кто переживал за Эмили и Трейси, была Грета Ларсон. Я набрала ее номер. Ответил пожилой мужчина. Сомневаться не приходилось: он плохо слышит. Когда мне в третий раз пришлось просить Грету к телефону, мое терпение почти иссякло. Наконец он передал ей трубку.

– Огромное спасибо, что позвонили. – Голос Греты дрожал. – Я так волновалась. Никто из соседей не знает, что с Эмили.

Я заверила миссис Ларсон, что девочку поместили в хорошую приемную семью, и спросила:

– Вы что-нибудь знаете о семье ее матери?

– Родители разведены. Отец болеет, а мать у нее какая-то странная. Трейси довольно часто общалась с братом, особенно в первый год после рождения Эмили, но я ни разу его не видела. Он живет в паре часов езды отсюда.

– А об отце Эмили вам что-нибудь известно?

– Честно говоря, я думаю, даже самой Трейси о нем мало что известно. Они были подростками, когда она забеременела. Скорее всего, он закончил колледж, нашел работу. Возможно, женился и завел детей. Кто знает? Уверена, судьба Эмили ему безразлична. Трейси не стала писать его имя в свидетельстве о рождении. Не знаю, почему. Мог бы, по крайней мере, алименты платить. Государство бы заставило. Но, видимо, Трейси не хотела сражаться с ним за выплаты.

Бедняжка. – Голос Греты сорвался, и она кашлянула, прочищая горло. – Трейси была слишком юной, чтобы растить ребенка. Ей вечно не хватало денег, но она была хорошим человеком. И дочурка ее – чудесная девочка.

Грета замолчала. За эти несколько лет она стала Трейси ближе, чем родная мать.

– Вы вчера оставались с Эмили? – уточнила я.

– Нет, мы с мужем отмечали годовщину свадьбы. Что-то подсказывало мне, что Трейси не сможет найти никого, кто посидел бы с девочкой. Но она уверяла меня, что все будет в порядке. Зачем же я ее оставила...

– Вы думаете, вчера вечером Эмили была одна?

– Думаю, да. Даже представить страшно, как малышка испугалась, когда в доме появилась полиция.

Я поняла: Грету бесполезно расспрашивать. Она ничего не знает. Но кто же держал Эмили за руку? Этот вопрос не давал мне покоя. Может, кто-нибудь из соседей, знавший, что Трейси нет дома? Что, если у него имелись какие-то неблагоприятные намерения? Отогнав от себя эту мысль, я пообещала Грете связаться с ней позже и повесила трубку.

Грета и Хэл понимали: хозяин дома, где жила Трейси, постарается как можно быстрее сдать его. Им не хотелось, чтобы в вещах Эмили и ее мамы рылись чужие. Поэтому они поехали туда, загрузив в машину побольше пустых коробок. Хэл вытаскивал продукты из холодильника, а Грета укла-

дывала альбомы с фотографиями, семейные видео, одежду Трейси, которая в будущем могла пригодиться Эмили, многочисленные недорогие украшения и все игрушки. Когда Грета доставала из шкафа простыни и полотенца, на пол вывалилась небольшая коробочка. Открыв ее, Грета обнаружила маленький серебряный крестик с розовыми камушками. На обратной стороне была надпись: «Эмили с любовью от мамы». Внизу выгравировано: «Рождество», и указан год. «Она была хорошей матерью», – прошептала Грета. Убедившись, что все вещи, которые могли когда-нибудь понадобиться Эмили, собраны, супруги подошли к выходу и остановились. Грета окинула взглядом гостиную и кухню, где бывала так часто за последние четыре года, и вытерла слезы. Хэл достал из кармана платок и высморкался. Оба переживали, что ничем больше не могут помочь Эмили, не понимая, что сделали самое главное – подарили тем, кого любят, свое время и заботу.

Десять дней спустя я работала в офисе, когда позвонила Грета. Хозяин дома просил забрать оставшиеся вещи Трейси, чтобы можно было сделать в нем ремонт и снова сдать. Я помнила о своем обещании привезти туда Эмили, чтобы она попрощалась с прошлым, и поехала за девочкой к Делфи.

Когда мы заходили в дом, я взяла Эмили за руку. Стены казались голыми. В кухне и комнатах валялись коробки. Воздух был спертый, пахло моющими средствами.

– Где все вещи? – спросила девочка.

– Грета и Хэл их упаковали. Они собрали для тебя несколько коробок. Оглядишься, может, тебе еще что-то понадобится.

Не отпуская моей руки, девочка направилась в свою комнату. Шкаф и комод опустели, на кровати больше не было белья, все игрушки исчезли. Я посмотрела на Эмили, пытаюсь понять, что происходит в ее душе.

– Можно мне забрать кровать?

– Да, – кивнула я. – Попрошу Хэла, чтобы он заехал за ней.

Мы зашли в комнату Трейси. Эмили села на краешек постели. Наморщила лоб, но не заплакала. Наверное, они с мамой частенько уютно устраивались здесь по вечерам, читали или просто над чем-нибудь смеялись. Девочка заглянула под кровать.

– Тут раньше были мои книжки.

– Они у Греты.

Эмили открыла коробку, лежащую рядом с комодом, и начала перебирать одежду Трейси. Почти в самом низу она обнаружила розовый свитер с Микки и Минни Маусами и, сняв куртку, натянула его.

– Можно?

– Конечно. Бери, что хочешь. Это все твое.

Она вытащила толстовку, серую, с потрепанными рукавами, и прижала к себе. Вероятно, Трейси любила ее боль-

ше всех. Потом мы нашли коробку с надписью «Рождество». Эмили открыла ее. В ней лежало несколько шариков, гирлянда и фарфоровая рождественская композиция: Иосиф, Мария и младенец. Я наблюдала, как Эмили ходит среди коробок, проводя по ним ладошкой. Мы с девочкой выглядывали из окон, копались в коробках, перебирали вещи. Когда мы закончили, я направилась к выходу и взялась за ручку двери, но Эмили удержала меня, прижавшись к моей ноге: ей не хотелось уходить. Всхлипнув, девочка скользнула на пол, и я поняла: именно в этот момент она осознала, что никогда больше сюда не вернется. Не увидит, как мама в любимой серой толстовке делает макияж в ванной перед зеркалом. Не будет больше смотреть мультики, сидя у нее на коленях, или уютно устраиваться в ее постели с любимой книжкой. Эмили рыдала у меня на руках. Вдвоем мы сидели у порога и смотрели на заваленный коробками дом, о котором у этой малышки останутся лишь воспоминания. Всей душой я желала, чтобы девочка запомнила, как выглядело это место раньше, запомнила его запах, и любовь, которой оно было наполнено. Я молилась, чтобы она никогда не забыла его, ведь здесь Эмили провела первые годы своей жизни. Ничто не может заставить пятилетнего ребенка принять утрату и навеки попрощаться с мамой. Но Эмили справилась. Не знаю, сколько времени мы там пробыли. Неважно. Мы ушли, когда она была готова покинуть дом. Девочка взяла меня за руку и закрыла за собой дверь.

Я надела перчатки, села в машину и включила обогрев. Такого холода в декабре не случилось по меньшей мере несколько лет. По дороге к Делфи я успела позвонить двум другим приемным семьям, но одна из них уехала из штата на праздники, а во второй никто не взял трубку. Я подъехала к дому. Карен встречала меня у порога.

– Карен, мне так жаль, – проговорила я, закрывая за собой дверь. – Как Эрик?

– Наверху, разговаривает с мамой по телефону. Это не было неожиданностью, они пытались подготовиться, но...

– К такому подготовиться невозможно, – кивнула я.

– Невозможно. – Карен переминалась с ноги на ногу, и я поняла: она что-то недоговаривает.

– В чем дело, Карен?

– Мы с мужем собираемся какое-то время пожить у его мамы, чтобы уладить все дела. Эрик – не старший сын, но сейчас только он может о ней позаботиться. Мы должны помочь ей перебраться в пансионат для пожилых людей, и не знаем, сколько времени займет переезд. Может понадобиться несколько недель.

Я поняла: им сейчас не до Эмили.

– Я просто не знаю, можно ли...

– Все в порядке. Не волнуйтесь за нее.

– Она чудесная девочка, – вздохнула Карен. – Но похороны и все прочее могут плохо сказаться на ребенке. Патри-

ция, мне крайне неловко. Мы обязательно снова заберем ее, как только вернемся домой.

– Спасибо, Карен. Я устрою Эмили туда, где за ней присмотрят, пока вы в отъезде.

Эмили вышла в коридор с чемоданом в руках. Присев на корточки, Карен застегнула ей куртку. Девочка смотрела в пол. Карен поцеловала ее в лоб и открыла дверь.

– Передайте мистеру Эрику, мне очень жаль, что ему так грустно, – попросила Эмили.

Карен улыбнулась и поцеловала ее еще раз.

Я помогла девочке устроиться на заднем сиденье, потом села за руль. Нужно найти для нее другую приемную семью как можно скорее. Я решила отвезти Эмили в Дом Уэсли – его построили члены методистской церкви во время Гражданской войны для оказания помощи вдовам и сиротам. В последние годы там жили дети старше шести лет, которых не успели поместить в семью. Эмили могла бы провести в Доме Уэсли несколько дней, пока я не найду ей других приемных родителей. Я взглянула на девочку в зеркало заднего вида. Эмили отвернулась к окну, прижимая к себе игрушечного мишку. Она почти не изменилась за те пять месяцев, что мы не виделись. Все такая же тихая. В глазах – растерянность, которую я заметила еще в июле. Я свернула на дорогу, ведущую к Дому Уэсли. Ехала очень медленно и вскоре поняла, что совсем не жму на газ: машина продолжала двигаться по инерции. Эмили отрешенно смотрела в окно. Я остановилась

перед знаком «уступи дорогу» у въезда на территорию Дома Уэсли и долго не трогалась с места, наблюдая за девочкой в зеркало. Она почувствовала, что машина остановилась, и перевела взгляд на меня. Я повернулась к ней и попыталась улыбнуться, но не смогла. Я видела, что ей страшно. Эмили продолжала смотреть мне в глаза, и у меня защемило сердце. На свете слишком много горя. Пятилетние малышки, потерявшие матерей, не должны в одиночку преодолевать тяготы жизни, особенно накануне Рождества. Мама всегда говорила мне, что нам приходится постоянно делать выбор. «Иногда какое-то решение может повлечь за собой трудности, с которыми тебе придется справляться, – не уставала повторять она. – А иногда может перевернуть всю твою жизнь, и с этим тебе тоже не раз придется столкнуться». То, что я задумала, нарушало правила поведения социальных работников. Возможно, мне сделают выговор или даже уволят, но меня это не беспокоило. Я развернулась и поехала прочь от Дома Уэсли, совершенно не представляя, чем принятое решение для меня обернется в дальнейшем.

Я заехала в гараж.

– Вот мы и на месте.

Эмили отстегнула ремень безопасности. Я открыла заднюю дверцу, и девочка выбралась наружу. Я достала из багажника ее чемодан.

– Думаю, будет лучше, если ты переночуешь у меня. Со-

гласна?

Она кивнула.

Лапа выбежала навстречу и принялась вылизывать нам лица и руки. Эмили отвернулась.

– Ну-ка, хватит! Лежать!

Лапа легла перед гостьей, стуча хвостом по полу.

– Это Лапа.

Собака так рьяно размахивала хвостом, что вся подергивалась от радости.

– Странное имя, – заметила Эмили.

– Не особо оригинальное, но, чтобы его придумать, нам все-таки понадобилась пара секунд.

Эмили протянула руку к собаке, как мне показалось, с некоторой опаской.

– Осторожно, она может зализать тебя до смерти!

Эмили боязливо прикоснулась к Лапе. Та резко вскинула морду, чтобы лизнуть ее руку. Девочка отскочила.

– Лапа, перестань, – строго велела я.

Собака опять улеглась у ног Эмили и заскулила.

Я перевела взгляд на девочку.

– Хочешь есть?

Она покачала головой.

– А пить? Молоко, сок?

– Мама не разрешает мне много пить на ночь, потому что я могу промочить кровать.

Навещая Эмили у Делфи, я уже обращала внимание, что

она говорит о маме в настоящем времени.

– Тогда давай я уберу твою курточку и покажу тебе, где ты будешь спать.

Я помогла девочке снять куртку и, повесив ее в шкаф, обернулась.

– Уверена, что не хочешь есть?

Малышка снова отказалась.

– Хорошо, тогда пойдем наверх.

Мы поднялись в спальню для гостей. Лапа бежала впереди. Девочка встала на пороге комнаты. Я поставила ее чемодан на пол и села на кровать.

– Заходи, Эмили, не стесняйся.

Она вошла и остановилась напротив меня. Я помогла ей раздеться.

– Тебе нужно в туалет?

Эмили помотала головой.

– Если вдруг ночью понадобится, то он прямо тут. – Я указала в коридор. – Ну что, ты ложишься?

Девочка кивнула. Откинув одеяло, я помогла ей забраться в постель. Лапа сразу же последовала примеру гостыи.

– Ну-ка слезь! – нахмурилась я.

Не люблю, когда в кровать попадает шерсть.

Эмили погладила собаку.

– Можно она поспит здесь?

Заметив довольный взгляд Лапы, я поняла – придется уступить. Подоткнула Эмили одеяло, так, что ее мишка ока-

зался накрыт с головой. Девочка высвободила мордочку медвежонка.

– Он так не может дышать.

Я улыбнулась и поправила на мишке одеяло.

– Как его зовут?

– Эрни.

– Хорошее имя, очень ему подходит. Давно он у тебя?

– Давно, с тех пор как я была маленькой.

– Ну, значит, он очень преданный друг. Прямо как Лапа.

Эмили кивнула.

– Хочешь, я не буду выключать свет в коридоре? Вдруг тебе нужно будет встать.

Она снова кивнула.

Я убрала прядку волос у нее со лба и сжала ее ладошку. Потом погасила свет и, чуть прикрыв за собой дверь, заглянула в спальню.

– Если что, я в соседней комнате.

Эмили приподняла голову с подушки.

– Откройте, пожалуйста, дверь пошире.

Я оставила дверь распахнутой и направилась к себе в комнату.

– А вы можете посидеть со мной?

Я вернулась.

– Пожалуйста, побудьте со мной, пока я не засну.

Я снова поправила ей одеяло и опустилась на стул рядом с кроватью. Эмили указала на край постели.

– Лучше сядьте здесь, хорошо?

Я пересела и взяла ее за руку. Девочка закрыла глаза и попыталась заснуть.

– А можно вы со мной ляжете? – попросила она, не открывая глаз.

Несколько секунд я медлила: не люблю лежать в одежде, она сильно мнется.

Эмили посмотрела на меня. Я мешкала чересчур долго для такой простой просьбы. Ничего не поделать: малышке страшно. Я сняла обувь и легла рядом, не отпуская ее руки.

– Если хочешь, я останусь тут на всю ночь, – предложила я.

Эмили кивнула. Я увидела, как по ее щеке сползла слезинка, но промолчала. Разве мои слова могут вернуть ей маму или помочь понять, почему так произошло? Смахнув слезу со щеки девочки, я помолилась, чтобы Господь послал ей любящую семью. Когда дыхание Эмили стало ровным, я уснула.

Натан Эндрюс показался из люка, ведущего на чердак гаража, и прочел надпись на коробке:

– Фонарики.

Его жена, Меган, принялась взбираться по лестнице, чтобы взять коробку.

– Не лезь сюда, – заволновался Натан.

– А иначе я до нее не доберусь, – возразила Меган.

– Я сам слезу.

Натан стал спускаться, держа коробку на плече. На середине лестницы он протянул ее Меган, предупредив:

– Осторожно, тяжелая.

Меган приняла ношу у него из рук и, закатив глаза, опустила на пол.

– Да всего-то фунтов пять!¹ – Она положила руку на свой выпирающий живот.

– Все хорошо? Ты не устала? – забеспокоился Натан, возвращаясь на чердак.

– С чего вдруг? Просто стою тут, жду тебя, – пожалала плечами Меган.

– С малышом все в порядке?

– Конечно. Крошка всего лишь заскучала: у нас совсем мало рождественских украшений, а ты так долго возишься.

– Не говори о моем мальчике, как о девчонке. Ты его обижаешь!

Меган улыбнулась.

– А что, если это вовсе не мальчик?

Натан выглянул из чердачного люка.

– Ты же сама сказала: когда мы смотрели футбол, он подпрыгивал!

– Да, но...

– Никаких «но»! Скоро ты родишь фаната футбольной команды «Питтсбург Стилерз»!

Меган покачала головой.

¹ 5 фунтов = 2,27 кг. – Здесь и далее примеч. пер.

– А вот и рождественские венки! – прокричал Натан, скидывая коробку. Она приземлилась у ног Меган. – Ленточки и гирлянды. – Еще одна коробка упала рядом с первой. – Осторожно, хрупкий груз. – Натан высунулся с очередной коробкой, следя за реакцией жены. – Скульптуры с рождением младенца!

– Не швыряй! – испуганно охнула Меган.

Натан засмеялся и, закрыв крышку люка, спустился на пол. Наклонившись, взял несколько коробок и начал выносить их на лужайку перед домом.

– Не поднимай тяжелого! – предупредил он жену, оглядываясь через плечо.

Меган вновь закатила глаза и взяла коробку с надписью «фонарики». Они хотели украсить фасад дома пораньше, однако Натану все никак не удавалось выкроить для этого время. Третий год в детской кардиологии оказался более загруженным, чем он рассчитывал. Меган не возражала против такого графика. Она работала учителем, тренировала школьную команду по легкой атлетике, а еще готовила комнату для их будущего ребенка. Малыш должен был родиться в первую неделю января. Меган не терпелось стать мамой. Они с Натаном поженились три года назад, в канун Рождества. Собирались подождать еще лет пять, прежде чем заводить детей. Но когда Меган начало постоянно тошнить по утрам, стало ясно: обстоятельства изменились.

Супруги принципиально не пытались узнать до родов пол

ребенка.

– Сейчас в жизни все так предсказуемо, – объяснял Натан друзьям и родственникам, удивленным таким решением. – Хочется устроить себе сюрприз. А, впрочем, я уверен, что будет мальчик.

Натан вешал фонарики на кустарник, растущий перед их небольшим домом, а Меган доставала из коробок разноцветных деревянных ангелочков, викторианские звезды ручной работы и рождественские венки. Когда она вытащила несколько гирлянд и начала распутывать их, на землю вдруг выпал маленький сверток. Меган покрутила его в руках, разглядывая.

– Что это? – спросила она у мужа, который в это время, забравшись под куст, выискивал, куда бы повесить очередной фонарик.

Натан раздвинул ветки и посмотрел на сверток.

– Не знаю. Может, ключи от «Харли-Дэвидсона», который ты мне купила на Рождество?

– Мечтать не вредно, – засмеялась Меган. Присмотрелась к свертку и ахнула: – Это же подарок, который мы нашли в прошлом году! Тот самый, без надписи.

Когда в то Рождество Меган обнаружила сверток, Натан взял его и задумчиво покачал головой.

– Ты что? – удивилась Меган.

– Просто понял, каким был дураком, – вздохнул Натан, откладывая подарок в сторону.

– Почему? Что там?

– Точно не знаю. Четыре-пять лет назад, когда я проходил практику в реанимации, какой-то пациент обронил этот сверток. Я наткнулся на него после смены и решил найти того, кто его потерял, чтобы вернуть владельцу. Но совсем позабыл.

В тот день Натан обещал Меган отнести сверток в больницу и отыскать собственника подарка, но так и не осуществил своих намерений. Он даже думал, что выбросил сверток. Как выяснилось, ошибся.

Меган присела рядом с мужем и указала на находку.

– Почему он до сих пор у нас? Разве ты не собирался его отдать еще в том году?

– Кому же я его отдам?

– А ты разверни и посмотри, чей он.

– Ага. А там, конечно же, лежит визитка с именем и адресом владельца, – пошутил Натан, развешивая фонарики на кустах.

Меган положила руку на живот.

– Надеюсь, малыш не услышал.

– Что не услышал?

– Твой сарказм накануне Рождества. – Она положила сверток ему в карман.

– Ты что делаешь?

– Не хочу, чтобы он у нас лежал.

– Почему?

– Я чувствую себя виноватой. А виноват на самом деле ты! И мы с малышом не должны из-за тебя страдать.

Натан засмеялся и тотчас забыл о свертке. Опять.

У раскрытого окна громко зачирикала птица, и я проснулась. Осторожно, чтобы не разбудить Эмили, сползла с кровати. Больше восьми утра – уже много лет я не вставала так поздно. Я тихо прошла в ванную. Лапа последовала за мной. Сняв мятую одежду, в которой вчера уснула, я бросила ее в корзину для грязного белья и встала под душ. Как быть с девочкой, я еще не решила, но понимала: раз сегодня не нужно ехать в офис, я успею связаться с несколькими приемными семьями. Нанеся на лицо увлажняющий крем, я помассировала кожу вокруг глаз, чтобы избавиться от морщин, из-за них я выглядела старше своих сорока трех. Впрочем, это не помогало. Одевшись и кое-как накрасившись, я на цыпочках спустилась на первый этаж, в кухню. Открыла дверь, чтобы выпустить Лапу погулять, и заглянула в шкафчики. Крупы нет. Я направилась к холодильнику, надеясь, что там найдутся яйца. Чем еще кормить Эмили на завтрак? К счастью, яйца были – целых две штуки. И немного апельсинового сока, как раз на один стакан. Отлично. Значит, с походом в магазин можно повременить. Послышалось царапанье: видимо, Лапа просилась обратно. Я открыла дверь и увидела на пороге елку. Из-за веток раздался голос:

– Может, пригласишь войти?

– Незнакомых деревьев не приглашаю! – в тон другу ответила я.

Голова Роя высунулась из-за елки.

– Поберегись!

Он втащил дерево и бросил на пол. Перескочив через елку, Лапа вбежала следом.

– Что ты делаешь? – удивилась я.

Рой снял шапку и вытер вспотевшие лоб и шею.

– Уф! Либо я не в форме, либо в форме не я – одно из двух.

Улыбнувшись, я продолжала смотреть на него, ожидая разъяснений.

– Сегодня с утра пришлось снова везти Джейми Крамера в Дом Уэсли.

Я кивнула, не отрывая от него взгляда, догадываясь, что он уже все знает.

– Зашел туда, а там спрашивают, что у тебя случилось и где же девочка, которую ты должна была вчера привезти. Я ответил, что по дороге ты получила звонок от приемной семьи, и они согласились взять ребенка. Мол, ты просто забыла об этом сообщить.

Я прислонилась к стене.

– Значит, ты соврал?

– Я решил, так лучше. – Рой поднял брови. – Или я ошибаюсь?

– Она первый раз в жизни проведет Рождество без мамы.

Да, это против правил, но я просто не могла ее там оставить. Ведь уже почти Рождество.

– Согласен.

Рой понимал, что я рисковала, однако не стал ничего говорить. Задолго до того, как я устроилась на работу, один сотрудник на время взял к себе ребенка, а тот упал с лестницы в подвал и сломал ногу. С тех пор нам ни при каких обстоятельствах не разрешалось забирать детей к себе домой. Слишком большая ответственность. Правило мы это соблюдали, но время от времени могли тайком привести к себе ребенка, чтобы накормить, искупать или оставить на ночь. Бывают случаи, когда это необходимо.

Я перевела взгляд на елку.

– А это еще что?

Рой подхватил ее и потащил в гостиную.

– Елка. Ее, знаешь ли, наряжают на Рождество, а снизу кладут подарки.

Я улыбнулась: Рой хотел устроить для Эмили праздник. Он пытался казаться грубоватым, хотя все коллеги знали, что у него доброе сердце и нежная душа.

– У нас есть семейная традиция: ставить елку сразу после Дня благодарения². В этом году внуки помогли мне ее наряжать. – Он помолчал, глядя на еловые ветки. – У всех детей должна быть елка в Рождество.

– Ты очень хороший человек, Рой Брейден. Знаешь об

² День благодарения в США празднуется в четвертый четверг ноября.

этом?

Он отмахнулся.

– Ладно, ладно, мне пора. Обещал сегодня посидеть с внуками. У тебя есть елочные игрушки?

Подумав, я скорчила гримасу: мол, нет.

Он с укоризной покачал головой и, распахнув дверь, взял с крыльца несколько коробок и сумок. Похоже, он принес с собой все, что нужно.

– Ого, сколько ты накупил!

– Накупил, но уже давно. Я ведь дважды был женат!

Я засмеялась и помогла ему внести в дом коробки.

– Может, она и не захочет, – предположила я.

– Захочет-захочет! – возразил Рой. – Дети любят Рождество, какими бы грустными ни были обстоятельства. – Он поставил елку в угол комнаты и убедился, что она не падает. – Ну почему, почему смерть не оставляет людей в покое даже в Рождество? – Он посмотрел на меня.

– У смерти не бывает каникул, – вздохнула я, открывая коробку с шариками.

Рой достал большого игрушечного оленя и поставил у камина.

– Конечно, он уже старенький, но дети все равно его любят. У него раньше светился нос, но несколько лет назад мои внуки сделали ему ринопластику. С тех пор мы называем его Сэр, потому что его нос стал серым.

Потом он вытащил из сумки маленькую шкатулку для

украшений и протянул мне.

– У моей внучки есть такая же, и ей очень нравится. Упакуй красивее и отдай девочке. Пусть откроет подарок, когда захочет: можно уже сейчас, а можно подождать до Рождества. Там всякие бусики, колечки, а еще танцующая балеринка. Оберточная бумага у тебя найдется?

Я покачала головой. Рой со вздохом полез в еще одну сумку и вручил мне целый рулон.

– Здесь еще много, так что вы с Марком можете упаковать подарки друг для друга. Я слышал, многие мужья и жены так делают.

Я проводила Роя к выходу и на прощание поцеловала в щеку.

– Ты настоящий чернокожий Санта-Клаус!

Он притворно нахмурился.

– Почему Санта-Клаус? Намекаешь, что я такой же толстый?

Я засмеялась.

– И потом, ты когда-нибудь видела чернокожих Санта-Клаусов? Нет, они всегда бледненькие, с тощими бородками. Один такой шагает по торговому центру. А вид у него жалкий-прежалкий.

– Прости, ляпнула, не подумав. – Я открыла перед Роем дверь.

После его ухода я начала доставать елочные игрушки из сумок. Когда Шон был маленьким, он в один миг вываливал

на пол все игрушки, быстро-быстро работая крохотными ручонками. Приближение Рождества вызывало у него восторг. В день праздника, проснувшись чуть свет, он летел к елке, на бегу подзывая нас с Марком. Мы с трудом уговаривали его не разворачивать сразу все подарки, чтобы бабушка и дедушка тоже могли полюбоваться на то, как он их открывает. Каждый год мы дарили ему пару кроссовок. Шон натягивал их и начинал носиться по дому. «Вот как я умею!» – кричал он, подпрыгивая и касаясь руками потолка. «Смотрите, как я могу!» – И он с радостными воплями мчался через всю гостиную в кухню.

В половине десятого Эмили все еще спала. К десяти часам, когда из ее комнаты донесся шорох, я успела разобрать елочные игрушки. Я поднялась на второй этаж. Лапа побежала за мной и толкнула носом дверь. Та открылась. Я увидела Эмили, которая что-то искала у себя в чемодане.

– Доброе утро, – поздоровалась я. – Хорошо спалось?

Кивнув, она села на кровать. Лапа запрыгнула туда же. Я догадывалась: проснувшись, Эмили взмолилась, чтобы последние пять месяцев ее жизни оказались кошмарным сном. Реальность часто бывает гораздо более жестокой, чем мы ожидаем.

Девочка оглянулась на фотографии, стоящие на комодe.

– Кто это?

– Мой сын, Шон.

Она внимательно рассматривала снимки.

– А это ваш муж?

– Да.

– Значит, вы замужем?

– Замужем.

– А это что? – Она указала на запечатленное на фото здание.

– Общежитие. Шон там жил, когда учился в колледже.

Эмили положила голову мне на плечо и долго разглядывала фотографии.

– А мама знает, что я сейчас у вас, а не у Делфи?

Последние несколько месяцев с Эмили работал детский психолог, помогал ей пережить горе. Я же совсем не знала, как об этом разговаривать, несмотря на диплом по психологии.

– Она на меня оттуда смотрит?

– Думаю, на небесах у людей очень много других занятий.

– Они там играют? У них есть игрушки?

– Да. У них есть все, что душе угодно. Но хотя люди там и заняты, мне кажется, время от времени Бог раздвигает облачка. Например, когда в жизни их близких происходит что-то важное. И тогда они нас видят. – Я замолчала, пытаюсь проглотить комок в горле.

– Мне часто снится, что мы с мамой играем. А потом я просыпаюсь, а ее нет.

Я погладила девочку. Какое-то время мы сидели молча.

– Она не вернется, да?

Карен Делфи говорила, что Эмили часто спрашивает об этом. Мои глаза наполнились слезами, и я запрокинула голову, чтобы они не скатились по щекам.

– Не вернется.

– А она хочет обратно?

Хотят ли люди, оказавшись на небесах, вернуться к земной жизни? Вопрос поставил меня в тупик. Я задумалась.

– Как вам кажется? – поторопила Эмили. – Она хочет?

– Наверное, нет, – прошептала я. – Вряд ли у кого-то появится желание уйти из рая. Но я уверена, она бы очень хотела быть рядом с тобой. – У меня бешено колотилось сердце. Нужно сменить тему разговора: – Пойдем завтракать? Думаю, ты очень голодная.

Девочка кивнула. Я протянула ей полотенце и отправила в ванную умываться, а сама достала из чемодана хлопковые штанишки и красный свитер с нарисованной собачкой. Помогая Эмили одеться, я вспоминала, как переодевала по утрам Шона. Стоило мне снять с него пижаму, как он вырывался и с хохотом несся по коридору в надежде, что я буду его догонять. Расчесав светлые волосы девочки и забрав их в хвостик, я полюбовалась на нее. Настоящая красавица: смуглая, с темно-карими глазами. Я протянула Эмили руку.

– Идем.

Мы спустились по лестнице, и девочка увидела елку. На ее лице отразились изумление и восторг.

– Сюда что, Санта приходил?

– Один из его помощников, – ответила я, имея в виду Роя. – Он сказал, что принес елку и украшения специально для тебя.

Эмили стояла, озираясь по сторонам.

– А где же ангел? – вдруг спросила она, заглядывая в коробку с елочными игрушками. – Где он?

Мы вместе принялись искать ангела и вскоре обнаружили его в одной из сумок, под гирляндами. Девочка взяла его и высоко подняла, разглядывая струящееся белое одеяние с золотой окантовкой и длинные локоны.

– Он совсем не так выглядит, – разочарованно прошептала Эмили и отложила ангела в сторону.

– Купим другого.

Девочка посмотрела на меня и ничего не ответила. Я так давно не жила с детьми, что теперь не знала, как себя вести, и боялась, что она это почувствует.

– Давай сперва позавтракаем, а потом украсим елку. Ладно?

Мы прошли в кухню. Я налила Эмили полстакана апельсинового сока и разбила два яйца в сковородку. Не помню, когда в последний раз я готовила яичницу, но получилась она весьма неплохой, хотя и слегка пережаренной. Положив ее на тарелку перед Эмили вместе с тостом, я села напротив. Девочка потянулась за соком и опрокинула стакан. По столу разлилась лужа, струйки потекли на пол. Подскочив, я схватилась за тряпку, торопливо вытерла пол и прижала стопку

салфеток к столешнице. Эмили замерла, и я поняла, что напугала ее. В самом деле, чего это я так всполошилась? Ну, пролилось немножко сока, подумаешь. Выкинув салфетки, я улыбнулась девочке.

– Все в порядке. Ничего страшного.

Она явно мне не поверила.

– Хочешь еще сока?

Эмили кивнула. Я вылила остатки ей в стакан.

– А где ваш муж? – спросила девочка, не отрывая взгляда от кусочка яичницы, который вилкой возила по тарелке.

С тех пор, как я забрала ее от Делфи, она только раз посмотрела мне в глаза.

– Скорее всего, едет с работы, – ответила я и вдруг поняла, что забыла предупредить Марка об Эмили.

– Кем он работает?

– Летчиком.

– Мой друг Алекс тоже летчик.

– Правда? Ну, тогда им с Марком надо подружиться.

Кивнув, она съела кусок яичницы. Обвела взглядом кухню и увидела еще одну фотографию Шона.

– Он сейчас в колледже?

– Нет.

Эмили откусила от тоста. В доме было так тихо, что я слышала, как она жует.

– Он живет здесь?

– Нет.

Девочка опять повозила кусочек яичницы по тарелке, прежде чем положить его в рот. На меня она по-прежнему не смотрела.

– Он будет наряжать с нами елку?

– Не будет.

– А на Рождество приедет?

– Нет.

– Он не собирается домой?

– Не собирается.

– Но почему?

– Потому что он на небесах.

Глава 4

Надежда – это не убежденность в том, что все будет хорошо, а уверенность: то, что ты делаешь, имеет смысл – вне зависимости от того, чем кончится дело.

Вацлав Гавел

Шон умер, когда учился на втором курсе. Двадцать третьего декабря, в последний учебный день, он собирался приехать на три недели домой. Но потом узнал, что Марку придется поработать еще два дня, чтобы заменить попавшего в больницу коллегу, и передумал.

– Раз уж папа все равно будет на работе, я лучше приеду двадцать четвертого. Если я помогу установить новое оборудование в медийной лаборатории, профессор Тэмблин заплатит мне столько же, сколько профессионалу. Он выбрал в помощники только меня и моего однокурсника, потому что считает нас своими лучшими студентами.

Я предпочла бы, чтобы Шон не задерживался, но он был так воодушевлен.

– А оборудование не может подождать до конца праздников?

– Нет, мам. Нужно закончить до того, как все вернутся с каникул. За два дня мы как раз успеем.

Я вздохнула. Мне очень хотелось, чтобы сын приехал два-

дцать третьего, но, в общем, чуть раньше, чуть позже – какая разница?

– Во сколько тебя ждать?

– Самое позднее – в девять.

Марк заканчивал работу в десять, значит, в канун Рождества я буду совсем одна.

– Хорошо. Держи меня в курсе.

За эти два дня я перемыла весь дом, купила продукты и начала готовить праздничный ужин. Мы впервые решили отметить Рождество у нас, вместе с родителями и всей семьей Ричарда. Обычно мы собирались у мамы с папой или у родителей Марка. Я испекла шоколадный торт и ореховый пирог и только потом вспомнила, что папа и Ричард оба не любят орехи, и приготовила еще арахисовые конфеты. Теперь сладостей точно хватит всем. На всякий случай я взялась за сахарное печенье, но тут Лапа попросилась на улицу. Всего на пару минут я выскочила с ней наружу, отойдя от телефона. Вернувшись в дом и наливая воду в собачью миску, я заметила, что на автоответчике появилось сообщение от Шона.

«Привет, мам. Я в дороге. Выехал где-то час назад, поэтому часа через два уже буду. Тут связь прерывается, но ты звони, если что. Скоро увидимся. Люблю тебя».

Я набрала его номер, но сын был недоступен. Значит, находится на том участке пути, где мобильная связь не работает. Ладно, позвоню позже. Я доделала тесто для сахарного печенья и положила его в холодильник, чтобы легче было

потом раскатывать. Навела в кухне порядок и посмотрела на часы. Шон придет меньше чем через час. Я вытерла руки и собралась уже набрать его номер, как зазвонил телефон.

– Миссис Эддисон? – послышалось в трубке.

– Да. – И как у этих рекламщиков хватает наглости звонить в канун Рождества?

– Ваш сын Шон попал в аварию.

У меня участился пульс, по телу разлилась слабость. Повторите. В какой он больнице? Где это? Что с ним? Женщина на том конце провода ничего не знала. Я повесила трубку. У меня кружилась голова, я задыхалась. Где Марк? Ах да, в рейсе. Надо позвонить в авиакомпанию, пусть ему передадут сообщение. Я стала набирать номер. Ошиблась. Скинула, набрала снова. Опять ошибка. Где моя телефонная книга? Трясущимися руками открыла ее, но не смогла вспомнить название авиакомпании. Кажется, номер записан у меня в мобильном. Позвоню по дороге. Сначала нужно все рассказать маме и папе, может, они поедут со мной. Нажала кнопку быстрого набора. Родителей не оказалось дома, а мобильного у них не было. Я заторопилась к машине. Выехала на дорогу. Гараж закрыла?.. А дом заперла?.. Не важно. Я промчалась по улицам и вылетела на трассу. «Господи, пусть с Шоном будет все в порядке, – молилась я. – Пожалуйста, помоги ему. Пожалуйста». Я без конца твердила одно и то же. Мои мысли путались. «Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста». Я попыталась позвонить в авиакомпанию, но услышала быстрые

короткие гудки. Наверное, что-то со связью. Опять позволила – те же странные гудки. Из моей груди вырвался стон. «Господи, пусть он будет жив и здоров», – шептала я, снова и снова пытаюсь дозвониться. Неизменные гудки. Телефон выпал у меня из рук. Что же делать?.. Кажется, я проскочила въезд в больницу. Схватила бумажку, на которой нацарапала адрес. Нужен въезд двести восемнадцать. Проехала я его или нет? По телефону сказали, что дорога займет минут сорок пять, а я понятия не имела, сколько прошло времени. Вот еще один въезд, двести семнадцатый. Значит, нужно назад. Я развернулась и помчалась обратно, игнорируя красный свет и знаки «стоп». Большое белое здание впереди. Влетев на парковку, я заглушила мотор и побежала ко входу.

За стойкой администратора сидели люди. Почему они двигаются как в замедленной съемке? Или со мной что-то не так? Надо подойти к ним. Ноги не слушались. Я с трудом ими передвигала. «Здравствуйте, я ищу сына». Никто не обратил на меня внимания. Или, может, мне просто не успели ответить. Я побежала по коридору навстречу молодому человеку в белом халате. Бросила взгляд на бейджик, машинально отметила – знакомое имя, мы когда-то чуть не выбрали его для Шона – и тут же забыла, как зовут доктора.

– Скажите, где мой сын, – вцепилась я в него. – Он тут, в больнице. Где он?

Меня колотило как в лихорадке. Молодой человек подошел к стойке, где мне ничего не ответили.

– Как зовут вашего сына?

– Шон Эддисон. Мне позвонили, сказали, он попал в аварию...

Услышав имя, врач помрачнел.

– Я схожу за доктором.

Я заметила перемену в его голосе и выражении лица и догадалась: случилось что-то ужасное. Мне стало очень холодно. Я дрожала. Силы покидали меня, ноги подгибались. И все-таки я побежала за молодым человеком.

– Отведите меня к сыну, – умоляла я, догоняя его.

Тот кивнул, глядя в сторону.

– Сейчас приведу врача. – И скрылся за дверью.

У меня стучало в висках. Я металась по коридору, заглядывая в каждую дверь, но Шона нигде не было.

Молодой человек вернулся.

Я кинулась к нему.

– Доктор сейчас на операции, он выйдет к вам, когда закончит.

Я видела, что он избегает разговора и хочет уйти.

Я схватила его за руку.

– Скажите!

Молодой человек посмотрел мне в лицо.

– Скажите, что с моим сыном!

– Лучше все-таки подождать доктора.

– Что с моим сыном?! – закричала я.

Я понимала, что ставлю его в неудобное положение, но не

отступала. Мне нужно было знать правду.

– Он уснул за рулем и въехал в фуру, которая стояла на обочине.

У меня сжалось сердце.

– Когда его привезли, он был в сознании, разговаривал с нами.

Я кивнула.

– Но мы сразу поняли, что он сильно пострадал, – медленно продолжал врач. – Мне очень жаль, миссис Эддисон. Его травмы оказались слишком тяжелыми. Он умер на операционном столе. Мы не успели ему помочь.

Не могу описать, что я почувствовала тогда. С тех пор, как мне позвонили из клиники, мое сердце не переставало бешено колотиться, а теперь будто оборвалось. В глазах потемнело, я зашаталась. Молодой человек помог мне сесть. Где Марк? Где мама и папа? Почему я сижу тут одна с чужим человеком, когда дома нужно доделывать сахарное печенье? Шон звонил, сказал, что скоро будет. Надо успеть все подготовить. До меня долетел смех медсестер, болтавших у стойки. Он показался мне оглушительным.

– Может, воды?

Что? Кто это говорит? Какое-то время я молча смотрела на молодого человека. Потом покачала головой.

– Что он сказал?

Во взгляде доктора читалось непонимание.

– Шон говорил с вами. Что он сказал?

Молодой врач помедлил, стяхивая с брюк несуществующие пылинки.

– Как его зовут, где живет. Еще сказал, что вы дома одна, ждете его.

Я чувствовала, что по щекам у меня льются слезы.

– А еще, что очень любит вас и папу. И будет любить. Всегда.

Я закрыла лицо ладонями и разрыдалась. Мне хотелось умереть вместе с сыном. Умереть прямо сейчас, на этом месте, потому что я не представляла, как выйду отсюда и вернусь в опустевший дом. В дом, куда Шон больше никогда не приедет.

– Это все? – прошептала я.

– Ничего. Только просил передать вам, чтобы вы не переставали любить детей.

Я застонала, обхватив голову руками.

– Знаете, он не боялся. Говорил спокойно. И отошел с миром.

Я подняла взгляд на врача.

– Я хочу его увидеть.

Молодой человек кивнул и повел меня к какой-то двери. Мои колени подгибались.

Мы вошли внутрь.

– Я могу позвонить в погребальную контору, – сочувственно предложил доктор, пододвигая мне стул. – Его привезут в морг, который находится в вашем городе.

Я приблизилась к Шону.

– Вы можете подождать в отдельном кабинете.

– Нет, я останусь с сыном.

– Я прослежу, чтобы вас никто не беспокоил.

С этими словами молодой человек вышел. Больше я его не видела. После я даже не смогла описать маме этого доктора. Все произошло слишком быстро. Да, я разговаривала с ним несколько минут, но из-за состояния, в котором находилась, не запомнила ничего, кроме его доброты.

Впервые за девятнадцать лет брака мы с Марком перестали понимать друг друга. До этого, встречая кого-нибудь в первый раз, я смотрела на нового знакомого не только своими глазами, но и глазами мужа. В ресторане я судила о еде, опираясь не только на свой, но и на его вкус. Так всегда бывает, когда люди женятся. Мы любим, ненавидим, размышляем и воспринимаем этот мир, учитывая мнение супруга. Но после смерти Шона все изменилось. Между мной и Марком словно выросла стена. Мы по-прежнему были рядом, но уже не вместе. Хотя мы поделили одно горе на двоих, каждый из нас переживал его по-своему. Марк окружил себя вещами сына. Смотрел старые семейные записи, на которых маленький Шон делал первые шаги, учил алфавит, разглядывал картинки в книжках «Баю-баюшки, луна» и «Цыпленок Цыпа», танцевал с бабушкой и дедушкой. Подолгу сидел в спальне Шона, читая его школьные тетради и пролистывая альбомы с фотографиями. Он мог бесконечно слушать

последнее сообщение сына на автоответчике, и каждый раз, когда оно звучало, я выходила из комнаты. Я не могла этого вынести. Не могла видеть снимки Шона, слушать его голос или смотреть семейные видеозаписи. Они растравляли рану, и боль сжигала меня изнутри. Марк не скрывал своих чувств, я же держала их в себе, не хотела выставлять напоказ. Впервые у нас не получалось поговорить по душам. У меня словно высохли все слезы, и я разучилась плакать. Как будто оцепенела. Мы обращались за помощью к психологу, но через какое-то время поняли: бесполезно. Ведь я не могла разговаривать о Шоне с мужем, даже когда мы оставались вдвоем, а в присутствии психолога – постороннего человека – мне было еще тяжелее. Мне хотелось поговорить с Марком, но слова застревали в горле. А все из-за того, что в глубине души я винила его в смерти сына. Мне казалось, если бы Марк не поехал тогда на работу, Шон был бы жив. Он бы вернулся домой на день раньше, как и собирался. Мы с Марком искренне любили друг друга, были лучшими друзьями, но смерть сына разъединила нас.

Ночами я не могла уснуть. Марк тоже страдал от бессонницы. Я выбиралась из постели и целый час слонялась по дому, прежде чем снова лечь. Потом вставал Марк, и я слышала бормотание телевизора или шелест страниц. Через час он опять ложился. Спустя два года после смерти Шона Марк поднялся посреди ночи и ушел в спальню для гостей. С тех пор он неизменно ночевал там, и это стало в порядке вещей.

По утрам мне было невыносимо тяжело вставать с постели. Если бы не дети и не семьи, с которыми я работала, я, наверное, так и лежала бы целыми днями. Шон знал, что так будет, потому и просил передать мне, чтобы я продолжала любить детей. Без них я бы никогда не заставила себя выбираться из кровати.

Я пыталась ходить в церковь, однако вскоре перестала.

– Я там не нужна, – объясняла я маме спустя год после похорон. – Зачем туда идти? Кому захочется любоваться на мою угрюмую физиономию?

– А тебе нужна церковь, – возразила мама. – Нужны люди, которые помогут и поддержат.

Но я не хотела их помощи, не хотела быть рядом ни с ними, ни с кем-либо еще. Маме я об этом не говорила. Мне нужно было лишь одно: чтобы меня оставили в покое. Я и с мамой не могла разговаривать о Шоне. Понимала, что это эгоизм: она потеряла внука и нуждалась в поддержке близкого человека, но я не подпускала ее к себе. Так легче. Время от времени она садилась возле меня и пыталась начать разговор.

Однажды после ужина мама заметила:

– Патти, Господь обещал никогда не покидать нас.

Ее слова рассердили меня, однако я не подала вида.

– Да, мам, я знаю.

– Нет, милая, не знаешь, – мягко проговорила она.

Я стиснула зубы.

– Господь все время был с Шоном, Он помог ему продержаться до приезда в больницу и поговорить с доктором. – Ее голос сорвался, по щекам покатились слезы. Мой гнев угас. – Бог не мог покинуть Шона в последние минуты жизни, Патти. Ведь тогда получилось бы, что Он лгал. А в это я никогда не поверю.

Я сжала ее руку. Пусть мама думает, что хочет, если ей так легче. Но ведь Бог мог уберечь Шона от аварии. Разбудить его до того, как покажется фура, или спасти ему жизнь в больнице. Если бы Господь не оставил моего сына, Шон сейчас был бы жив.

Дверь отворилась, и, вздрогнув от неожиданности, я вернулась к действительности. Эмили доедала яичницу. В кухню вошел Марк.

– Всем привет, – поздоровался он, глядя на девочку. – Не знал, что у нас гости.

– Это Эмили. – Я пыталась собраться с мыслями.

Марк протянул руку.

– Здравствуй, Эмили. Приятно познакомиться.

Девочка молча смотрела на него. Она и ко мне-то не успела привыкнуть, а тут еще один незнакомец.

– У меня мама умерла, – промолвила она наконец тоном, которым люди обычно представляются друг другу.

Я хотела рассказать Марку, что случилось, до того, как он вернется домой. Мне даже в голову не приходило, что Эмили

сама ему все расскажет.

Марк явно оказался не готов к такому повороту событий.

– Очень жаль, – пробормотал он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.